

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

ТОЛСТИКОВ: ДОМ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

НЕ ВСЕ ДВЕРИ
ЗАКРЫТЫ СНАРУЖИ.
НЕКОТОРЫЕ —
ИЗНУТРИ.

КОГДА ЗАБОТА
СТАНОВИТСЯ КОНТРОЛЕМ,
ЛЮБОВЬ — ИГРОЙ,
А СЕМЬЯ — СТАВКОЙ,
ОДНАЖДЫ ПРИХОДИТ
ВРЕМЯ ВЫЙТИ
ИЗ ИГРЫ.

ЧАСТЬ 1

Я УХОЖУ,
ЧТОБЫ МОИ ДЕТИ
МОГЛИ ОСТАТЬСЯ
СВОБОДНЫМИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН
О СЕМЕЙНОМ КОНТРОЛЕ, МАТЕРИНСКОЙ СИЛЕ
И ЦЕНЕ ПРАВА САМОСТОЯТЕЛЬНО ЗАКОНЧИТЬ РАЗГОВОР.

Надежда Порошина **ТОЛСТИКОВ: Дом с открытыми глазами**

<https://litres.ru/74382424>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дарья верила, что наконец встретила мужчину из своих снов. Роман Толстиков не исчезал, не лгал о деньгах и хотел настоящую семью. Рядом с ним она получила всё, о чём мечтала: надёжность, большой дом и долгожданную дочь.

Но постепенно забота превратилась в контроль, семейные правила — в систему подчинения, а дом — в пространство, где камеры видят каждое движение и ни один разговор нельзя закончить без разрешения хозяина.

Чтобы спасти детей и себя, Дарья должна уйти из дома, который не умеет отпускать. Однако за его дверями борьба не закончится: вместо камер за ней начнут наблюдать полиция, опека и другие государственные органы.

Остросюжетный психологический роман о семейном контроле, материнской силе и цене права самостоятельно закончить разговор. Основано на реальных событиях.

Содержание

Пролог. Дом не спит	4
Часть I. Мужчина из сна. Глава 1. Имя, которое она уже слышала	31
Глава 2. Человек, который не исчезает	49
Глава 3. Правильный мужчина	75
Глава 4. Сон о закрытых воротах	95
Глава 5. Первый бокал	117
Глава 6. Предложение без вопроса	140
Часть II. Дом с открытыми глазами. Глава 7. Чужие правила	165
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Надежда Порошина ТОЛСТИКОВ: Дом с открытыми глазами

Пролог. Дом не спит

Ночью дом звучал иначе.

Днём его наполняли голоса детей, хлопанье дверей, работающий телевизор, звон посуды и тяжёлые шаги Романа. За привычным шумом можно было не замечать, как потрескивают стены, вздыхает отопление и щёлкает реле над входной дверью.

Теперь каждый звук казался предупреждением.

Дарья стояла посреди кухни и слушала.

На втором этаже было тихо.

Слишком тихо.

Она посмотрела на часы: два сорок семь.

До будильника Романа оставалось три часа и тринадцать минут. Потом он спустится, включит свет, откроет холодильник и обязательно спросит, почему она не спала. Роман замечал всё: переставленную чашку, открытую форточку, новый пакет возле мусорного ведра. Иногда Дарье казалось, что ему достаточно войти в комнату, чтобы понять, кто и о чём в ней

говорил.

На кухонном столе лежала стопка документов.

Свидетельства о рождении детей. Паспорта. Медицинские полисы. Справки. Несколько банковских квитанций. Рецепт на лекарство Алисы. Договор, сложенный вчетверо.

Дарья пересчитала бумаги ещё раз.

Она уже делала это дважды, но не могла остановиться. Страх заставлял повторять простые действия, словно от их точности зависело, сумеет ли она утром покинуть дом.

Паспорт.

Свидетельство Кирилла.

Свидетельство Алисы.

Полисы.

Справки.

Рецепты.

Договор.

Она провела пальцем по краю последнего документа и прислушалась.

Наверху скрипнула кровать.

Дарья замерла.

В холодильнике заработал компрессор, и его гул внезапно показался оглушительным. Она быстро накрыла документы детской кофтой, лежавшей на соседнем стуле.

Пол под потолком снова скрипнул.

Один шаг.

Пауза.

Ещё один.

Дарья представила, как Роман идёт к лестнице. Сейчас покажется его рука на перилах, затем лицо. Он посмотрит вниз и сразу поймёт, что происходит.

Она заранее слышала его спокойный голос:

— Что ты делаешь?

Самый простой вопрос в его исполнении никогда не требовал простого ответа.

«Убираю».

Он спросит, почему в три часа ночи.

«Не спится».

Почему не спится?

Что случилось?

О чём она думает?

Почему документы лежат на столе?

Куда она собиралась?

Почему не сказала ему?

Каждый ответ породит следующий вопрос. Разговор продлится до утра, а когда Дарья окончательно устанет, Роман сформулирует за неё единственно правильное объяснение.

Она всё придумала.

Она опять действует на эмоциях.

Она разрушает семью.

Она настраивает детей против него.

Она неблагодарна.

Дарья медленно положила ладонь на кофту, прикрывав-

шую документы. Если Роман спустится, она не станет оправдываться. Не скажет ничего лишнего. Просто соберёт бумаги и поднимется наверх.

Она повторяла это себе уже несколько дней.

Не объяснять.

Не спорить.

Не пытаться убедить.

Но рядом с Романом даже молчание приходилось защищать.

Наверху снова что-то зашуршало.

Послышался тихий детский кашель, а затем голос Кирилла:

— Мам?

Дарья выдохнула.

— Я здесь, — ответила она шёпотом.

На лестнице показалась худенькая фигура. Кирилл спустился на несколько ступеней и остановился, держась за перила. На нём была тёмная футболка и спортивные штаны. Свет из кухни падал на его лицо, подчёркивая синеву под глазами.

— Ты почему не спишь? — спросила Дарья.

— А ты?

— Мне нужно кое-что собрать.

Кирилл посмотрел на коробки возле стены. Днём они стояли в кладовой, спрятанные за зимними вещами. Теперь Дарья перенесла их на кухню.

На одной было написано: «КНИГИ».

На другой: «ПОСУДА».

Третья пока оставалась без надписи.

— Мы завтра уезжаем? — спросил он.

Дарья быстро посмотрела на потолок.

— Тише.

Кирилл спустился ещё на одну ступеньку.

— Он услышит?

В его голосе не было обычного детского любопытства. Он не спрашивал, проснётся ли Роман. Он спрашивал, успеют ли они сделать задуманное.

— Иди ко мне.

Мальчик бесшумно сошёл с лестницы. Он научился двигаться по дому, обходя места, где скрипели половицы. Не наступал на третью доску возле кухонной двери. Не задевал плечом стену в коридоре. Знал, как закрыть дверь, чтобы замок не щёлкнул.

Дарья заметила это не сразу.

Дети быстро привыкают к правилам любого дома. Даже к тем, которых никто не произносит вслух.

Кирилл подошёл к столу и увидел край свидетельства, выступавший из-под кофты.

— Ты взяла мои документы?

— Взяла.

— А Алисины?

— Тоже.

— А дневник?

Дарья посмотрела на него.

— Какой дневник?

Кирилл отвёл глаза.

— Никакой.

— Кирилл.

Он прижал руки к животу и качнулся с пятки на носок.

— Ты обещала, что сегодня не будешь задавать вопросы,

— прошептал он.

Дарья вспомнила.

После ужина она сказала детям, что завтра им предстоит важный день. Попросила положить в рюкзаки только самое необходимое и никому не рассказывать о поездке. Кирилл сразу захотел узнать, куда они едут, надолго ли и будет ли с ними Роман.

Дарья не смогла ответить.

Она только сказала:

— Сегодня мы не задаём вопросов. Сегодня мы доверяем друг другу.

Теперь это обещание защищало сына от неё самой.

— Хорошо, — сказала Дарья. — Не буду. Но если есть вещь, которую ты хочешь взять, принеси её сейчас.

Кирилл кивнул, однако не двинулся с места.

— Мам...

— Что?

— А мы вернёмся?

Дарья посмотрела на кухню.

На белые фасады шкафов, которые они выбирали вместе с Романом. На большой деревянный стол. На магнит в форме домика, привезённый с первой семейной поездки. На детский рисунок, прикреплённый к холодильнику.

На рисунке были изображены четыре человека. Дарья, Роман, Кирилл и маленькая Алиса. Все держались за руки. Над ними ребёнок написал неровными буквами: «МОЯ СЕМЬЯ».

Рядом стоял большой красный дом.

Дарья столько лет мечтала о нём.

Не именно об этом здании, не об этих комнатах и не о дворе с высоким забором. Она мечтала о месте, откуда её никто не сможет выгнать. О человеке, который не исчезнет, когда станет трудно. О семье, в которой дети будут засыпать без страха, что утром всё изменится.

Мечта исполнилась слишком точно.

У неё появился мужчина, который никогда не исчезал. Он всегда знал, где она находится. Всегда замечал, когда она задерживалась. Всегда требовал закончить начатый разговор. Всегда возвращался к вопросу, пока не получал нужного ответа.

Он был рядом даже тогда, когда Дарье больше всего хотелось остаться одной.

— Я не знаю, вернёмся ли мы, — честно ответила она.

Кирилл долго смотрел на неё.

— Хорошо.

В одном коротком слове прозвучало облегчение, которое сын попытался скрыть.

Дарье стало больно.

Она хотела обнять его, но Кирилл уже повернулся к лестнице.

— Я принесу дневник.

— Только тихо.

— Я знаю.

Он поднялся, не коснувшись ни одной скрипучей ступеньки.

Дарья сняла со стола кофту, ещё раз проверила документы и положила их на дно коробки с книгами. Сверху поместила несколько старых журналов, два детских альбома и толстый словарь.

На стене над дверью горела красная точка.

Дарья подняла голову.

Камера была направлена на вход, но часть кухни тоже попадала в объектив. Роман установил систему наблюдения после того, как во дворе пропал строительный инструмент. Тогда Дарья не возражала.

Безопасность.

Так он сказал.

«Теперь мы всегда будем знать, кто приходил к дому».

Через неделю он спросил, почему она вернулась из магазина на семнадцать минут позже обычного.

Ещё через несколько дней позвонил и поинтересовался, зачем Елизавета выходила во двор ночью.

Потом прислал Дарье кадр, на котором она разговаривала у калитки с соседкой.

«О чём так долго говорили?»

Дарья перестала замечать камеру. Или убедила себя, что перестала. Но иногда, оставаясь одна, ловила себя на том, что поворачивается к объективу спиной.

Сейчас индикатор светился.

Она не знала, просматривал ли Роман запись с телефона. Не знала, сохранялись ли кадры автоматически и придёт ли ему уведомление о движении.

Нельзя было выключить камеру: он сразу заметит.

Нельзя было закрыть объектив: это вызовет вопросы.

Нельзя было продолжать стоять перед ней с документами.

Дарья взяла коробку и перенесла в ту часть кухни, которая, как ей казалось, не попадала в кадр.

Из коридора появилась Елизавета.

Она была полностью одета: джинсы, свитер, собранные волосы. В руках держала небольшой дорожный рюкзак.

— Ты чего встала? — шёпотом спросила Дарья.

— Я и не ложилась.

— Он может проснуться.

— Поэтому я здесь.

— Мы договорились, что ты не будешь вмешиваться.

Елизавета посмотрела на неё так, будто не могла поверить,

что Дарья произнесла это всерьёз.

— Мы ещё много о чём договаривались. Например, что ты уйдёшь после первого раза, когда он выгонит тебя с детьми.

Дарья опустила глаза.

— Не сейчас.

— Именно сейчас.

— Лиза.

— Хорошо. Молчу.

Елизавета поставила рюкзак рядом с коробкой и достала оттуда Алисины лекарства, зарядное устройство, запасные ключи и небольшой конверт.

— Здесь деньги, которые ты оставляла у меня.

— Все?

— Все. Я пересчитала.

— Он не видел?

— Нет.

— Ты уверена?

— Надя...

Елизавета осеклась и тихо выдохнула.

Дарья посмотрела на неё.

— Что?

— Ничего. Устала.

— Ты хотела назвать меня другим именем?

— Показалось.

Несколько секунд они молчали. Дом умел заставлять людей сомневаться даже в случайных словах.

— Рюкзак оставь у себя, — сказала Дарья. — Если он увидит его здесь, спросит.

— Пусть спрашивает.

— Лиза, пожалуйста.

Елизавета снова взяла рюкзак.

— Ты всё ещё боишься не уйти. Ты боишься, что он неправильно поймёт твой уход.

— Я боюсь, что дети проснутся от скандала.

— Скандал будет в любом случае. Только лучше, если нас здесь уже не окажется.

Дарья ничего не ответила.

Она знала, что Елизавета права. Но знание не уничтожало страх. Даже наоборот — делало его конкретным.

Раньше Дарья боялась неопределённости: что будет, если она уйдёт, где они станут жить, хватит ли денег, как объяснить детям, что сказать родственникам.

Теперь она боялась определённого момента.

Того, когда Роман поймёт.

Он не поверит, что решение принято окончательно. Сначала решит, что Дарья пытается его наказать. Затем станет убеждать вернуться. Когда уговоры не помогут, потребует объяснений. Когда объяснения окажутся не теми, обвинит её в разрушении семьи.

А потом начнёт действовать.

Роман никогда не оставлял вопрос нерешённым.

Особенно если решение принимал не он.

— Машина приедет в половине девятого, — прошептала Елизавета. — К этому времени его уже не будет.

— Если он уедет.

— Уедет.

— Он может изменить планы.

— Тогда перенесём.

— Второго шанса может не быть.

— Значит, не перенесём.

Дарья посмотрела на неё.

— Что ты предлагаешь?

— Если он останется, я выведу детей. Ты соберёшь документы и выйдешь следом.

— Он не позволит.

— Он не имеет права вас удерживать.

Дарья почти рассмеялась, но вовремя закрыла рот ладонью.

Право.

Это слово давно перестало означать в их доме то, что означало для других людей.

Роман тоже никогда не говорил, что запрещает ей уйти. Он просто вставал в дверях и продолжал разговор. Не отнимал телефон — просил показать переписку, если ей нечего скрывать. Не запрещал встречаться с подругами — объяснял, что настоящая семья должна проводить свободное время вместе. Не выгонял — напоминал, кому принадлежит дом.

Каждому поступку находилось правильное название.

— Мы выйдем тогда, когда его не будет, — сказала Дарья.

— Без сцен. Без разговоров.

— Хорошо.

— Дети не должны это видеть.

Елизавета горько улыбнулась.

— Даша, они уже всё видели.

Наверху хлопнула дверь.

Обе женщины замолчали.

По потолку прошла тень. Послышались тяжёлые шаги.

На этот раз они принадлежали не ребёнку.

Дарья быстро опустила крышку коробки. Елизавета схватила рюкзак и отступила в коридор.

Шаг.

Пауза.

Ещё один.

Роман шёл к лестнице.

Дарья почувствовала, как кровь пульсирует в висках. Она оглядела кухню.

Коробки.

Документы были спрятаны, но коробок раньше здесь не стояло.

Кофта на стуле.

Открытый шкаф.

Маркер на столе.

Он заметит.

Красная точка камеры продолжала смотреть на неё.

Дарья схватила ближайшую коробку и поставила возле мусорного ведра, будто собиралась выбросить. Вторую раскрыла и начала складывать туда старые журналы.

На верхней ступеньке показалась рука Романа.

Затем плечо.

Дарья заставила себя не смотреть.

— Вы что здесь делаете?

Его голос был хриплым после сна.

Елизавета первой повернулась к нему.

— Не спится.

Роман спустился ещё на несколько ступеней. На нём были домашние брюки и футболка. Он смотрел не на Елизавету, а на Дарью.

— Обеим?

— Я слышала шум, — ответила Елизавета.

— Какой шум?

— На кухне.

— А что на кухне?

Дарья продолжала складывать журналы. Руки дрожали, поэтому она старалась двигаться медленно.

Роман спустился до конца.

— Даша.

— Что?

— Я спросил, что вы делаете.

— Разбираю старые вещи.

— В три часа ночи?

— Не могла уснуть.

Он посмотрел на коробки.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты не могла уснуть?

— Просто не могла.

— Так не бывает.

Дарья подняла голову.

За последние годы она научилась распознавать момент, когда обычный вопрос превращался в начало долгого разговора. Голос Романа становился особенно спокойным. Он слегка наклонял голову, будто действительно хотел понять. Но правильный ответ уже существовал в его голове, и теперь ей предстояло угадать его.

— Бывает, — сказала Дарья.

Роман перевёл взгляд на Елизавету.

— А ты почему одета?

— Холодно.

— В куртке холодно?

Елизавета действительно успела набросить лёгкую куртку поверх свитера. Теперь она стояла, прижав рюкзак к ноге.

— Собиралась выйти покурить.

— Ты не куришь.

— Иногда хочется начать.

Роман не улыбнулся.

Он подошёл к столу и взял маркер.

— «Книги», — прочитал он надпись на коробке. — Какие книги?

— Старые.

— Зачем ты их собираешь?

— Хочу освободить шкаф.

— Сейчас?

— Роман, я уже ответила.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты в последнее время странно себя ведёшь.

Дарья почувствовала, как внутри поднимается знакомое желание объяснить. Рассказать, что она устала, что Алиса плохо спала, что на работе был трудный день, что коробки давно мешали в кладовой.

Она почти начала говорить.

Но вспомнила дневник Кирилла.

Рюкзак, собранный заранее.

Вопрос Алисы: «Мы опять уходим?»

— Я просто разбираю вещи, — повторила Дарья.

— От меня что-то скрывают?

— Нет.

— Тогда почему вы замолчали, когда я спустился?

Елизавета шагнула вперёд:

— Потому что ты задаёшь вопросы так, будто застал нас на месте преступления.

Роман медленно повернулся к ней.

— Я разговариваю со своей женой.

— А я отвечаю за себя.

— Тогда иди спать.

— Не хочу.

— Это мой дом.

Слова прозвучали негромко.

Дарья увидела, как Елизавета сжала ремень рюкзака.

— Лиза, иди, — сказала она.

— Даша...

— Всё хорошо.

Роман посмотрел на неё.

— Конечно, хорошо. А должно быть иначе?

— Я сказала, что всё хорошо.

— Только голос у тебя такой, будто я вам угрожаю.

Дарья промолчала.

— Я угрожаю? — уточнил он.

— Нет.

— Тогда зачем ты произносишь это таким тоном?

— Каким?

— Вот таким.

— Роман, три часа ночи.

— Именно. Три часа ночи, моя жена и её родственница стоят на кухне полностью одетые и собирают коробки. Я имею право спросить, что происходит?

— Имеешь.

— Тогда ответ нормально.

— Я разбираю старые вещи.

Роман смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом перевёл взгляд на коробку, подошёл и поднял крышку.

Дарья перестала дышать.

Внутри лежали журналы, детские альбомы и словарь. Под ними — документы.

Роман взял верхний журнал.

Перелистнул несколько страниц.

Положил обратно.

Его пальцы коснулись альбома.

В этот момент наверху заплакала Алиса.

Дарья вздрогнула и сразу повернулась к лестнице.

Роман остановил её голосом:

— Подожди.

Она замерла.

— Что?

— Я схожу.

— Не надо. Она меня зовёт.

— Откуда ты знаешь?

Сверху снова раздался плач.

— Потому что я её мать.

Дарья прошла мимо него, не дожидаясь ответа.

На лестнице она ожидала услышать приказ остановиться, но Роман ничего не сказал. Только продолжал стоять возле коробки.

Елизавета осталась с ним на кухне.

Дарья поднялась на второй этаж и вошла в детскую. Алиса сидела в кроватке, прижимая к груди плюшевого зайца. Волосы растрепались, лицо покраснело от плача.

— Мама.

— Я здесь, солнышко.

Дарья взяла дочь на руки.

Кирилл лежал в своей кровати спиной к двери, но она сразу поняла, что он не спит. Под одеялом угадывался прямоугольный край тетради.

Дневник.

— Всё хорошо, — сказала Дарья обоим детям.

Кирилл не повернулся.

— Он увидел коробки?

— Увидел.

— Мы теперь не поедем?

Дарья прижала палец к губам.

На лестнице слышались шаги.

Роман поднимался.

Она быстро уложила Алису, накрыла одеялом и села на край кровати. Кирилл спрятал тетрадь под подушку и закрыл глаза.

Роман появился в дверях.

— Уснула?

— Почти.

Он посмотрел на Алису, затем на Кирилла.

— Он тоже просыпался?

— Нет.

Дарья произнесла это слишком быстро.

Роман задержал взгляд на мальчике.

— Странно. Мне показалось, я слышал его голос.

— Тебе показалось.

Он вошёл в комнату.

Красный свет ночника падал на его лицо. В полумраке Дарья не могла определить, сердится он или просто размышляет.

— Что в коробке под журналами? — спросил Роман.

Сердце Дарьи остановилось.

— Какие ещё коробки? — сонно пробормотал Кирилл.

Роман посмотрел на него.

— Ты же спал.

Мальчик замер.

Дарья встала, закрывая сына собой.

— Там старые документы.

— Какие?

— Квитанции, договоры, детские справки.

— Зачем ты их сложила?

— Потому что разбирала шкаф.

— Покажи.

— Сейчас?

— Да.

Алиса снова захныкала.

Дарья взяла её за руку через бортик кровати.

— Не сейчас. Я укладываю ребёнка.

— Даша, я просто попросил показать документы.

— Утром.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас ночь.

— Ты всё время повторяешь, что ночь. Я вижу, сколько времени.

— Тогда должен понимать, что дети хотят спать.

— Не прикрывайся детьми.

Кирилл сильнее зажмурился.

Дарья увидела это и почувствовала, как страх внезапно сменяется чем-то другим. Не смелостью — для смелости она была слишком уставшей. Скорее ясностью.

Ей больше не нужно было убеждать Романа, что дети всё слышат.

Кирилл лежал в двух шагах от него и притворялся спящим.

Алиса сжимала игрушечного зайца.

Роман всё равно продолжал разговор.

— Мы посмотрим утром, — сказала Дарья.

— Хорошо.

Он согласился неожиданно легко.

Дарья знала: лёгкое согласие Романа почти всегда означало, что вопрос не закрыт.

Он подошёл к кровати Алисы, поправил одеяло и поцеловал дочь в макушку. Затем повернулся к двери.

— И коробки пока никуда не выноси.

Дарья ничего не ответила.

— Ты слышала?

— Услышала.

— Я хочу, чтобы ты сказала, что поняла.

Она посмотрела на него.

Ещё вчера эта фраза заставила бы её объяснять, что она не собиралась ничего выносить. Потом пришлось бы доказывать, что коробки не имеют скрытого смысла. Роман задавал бы вопросы, пока её собственное решение не стало бы выглядеть подозрительным даже для неё самой.

Но сегодня на кухне стояла коробка с документами.

В прихожей был спрятан рюкзак.

На телефоне Елизаветы сохранился номер водителя, который приедет утром.

И впервые за долгое время Дарья знала не только то, чего хочет Роман.

Она знала, чего хочет сама.

— Я услышала тебя, — сказала она.

Это было не согласие.

Но Роман удовлетворённо кивнул.

— Вот и хорошо. Утром поговорим.

Он вышел и прикрыл дверь.

Дарья ждала, пока шаги стихнут в спальне.

Кирилл открыл глаза.

— Он не разрешил?

Она села рядом и осторожно достала тетрадь из-под его подушки.

— Нам не нужно разрешение.

Сын посмотрел на неё так, будто никогда прежде не слышал этих слов.

Дарья раскрыла дневник.

На первой странице были нарисованы четыре человека возле дома. Рисунок напоминал тот, что висел на холодильнике. Только здесь у дома оказалось много окон.

В каждом окне ребёнок нарисовал по глазу.

— Почему так? — спросила Дарья.

Кирилл пожал плечами.

— Потому что дом всё видит.

Она закрыла тетрадь и прижала её к груди.

— Возьмём с собой.

— Точно?

— Точно.

— А игрушки?

— Самые любимые.

— А остальные?

Дарья посмотрела на полки. Конструкторы, машинки, книги, настольные игры — всё то, что годами составляло жизнь ребёнка.

— Потом заберём.

Кирилл помолчал.

— Он отдаст?

Дарья не знала.

— Это твои вещи.

— Я не про вещи.

Она поняла.

— Алиса будет со мной.

— А если он заберёт её?

— Не заберёт.

— Он говорил, что она его дочь.

— Она и моя дочь.

— Но это его дом.

Дарья взяла сына за руку.

— Дом — это стены. Семья — это люди, рядом с которыми тебе не страшно.

Кирилл нахмурился, будто пытался запомнить.

— А куда мы поедем?

— В другое место.

— Там будет наш дом?

— Не сразу. Сначала будет квартира.

— Маленькая?

— Наверное.

— С камерой?

— Нет.

— Тогда хорошо.

Дарья уложила дневник рядом со свидетельствами о рождении, которые мысленно видела сквозь потолок и крышку коробки.

Ей казалось, что красная точка камеры прожигает этажи и стены, следит за её руками, слышит каждое слово.

Но камера не могла увидеть главное.

Дарья больше не собиралась просить Романа понять её.

Не собиралась ждать подходящего момента, последнего разговора или очередного обещания. Не хотела доказывать, что имеет достаточно причин уйти.

Причин было больше, чем ей требовалось.

Достаточно было одной:

она не хотела больше жить в этом доме.

Дарья поцеловала Кирилла, укрыла Алису и вышла из детской.

В коридоре её ждала Елизавета.

— Он вернулся в спальню, — прошептала она. — Коробку не открыл до конца.

— Утром откроет.

— Значит, нужно забрать её сейчас.

Они снова спустились на кухню.

Красный индикатор камеры продолжал гореть.

Дарья подошла к объективу и впервые посмотрела прямо в него.

Ей вспомнился сон, увиденный много лет назад. Большой дом, маленькая дочь на руках, мужчина позади и внезапное понимание, что исполнение мечты иногда становится началом катастрофы.

Тогда рядом был другой мужчина.

Другой дом.

Другая опасность.

Дарья считала, что сумела избежать увиденного будущего. Теперь понимала: сон предупреждал её не только о человеке. Он предупреждал о ней самой — о женщине, которая слишком долго верит, что любовь способна изменить того, кто не видит причин меняться.

Елизавета коснулась её плеча.

— Даша.

— Сейчас.

Дарья сняла со спинки стула кухонное полотенце и на несколько секунд закрыла им камеру.

Красная точка исчезла.

Они вынули документы, дневник Кирилла и лекарства Алисы. Елизавета спрятала всё в рюкзак под своими вещами.

Затем Дарья убрала полотенце.

Глаз камеры снова открылся.

На кухне остались коробки, журналы и словарь. Всё выглядело так, будто две женщины действительно решили среди ночи разобрать старый шкаф.

Дарья выключила свет.

В темноте красный индикатор стал ещё ярче.

Дом не спал.

Он слушал шаги, запоминал голоса и наблюдал за каждым человеком, считавшим себя внутри него в безопасности.

Но этой ночью дом не увидел самого важного.

Документы уже были собраны.

Дети предупреждены.

Машина заказана.

Решение принято.

До рассвета оставалось три часа.

До переезда — меньше суток.

До момента, когда Роман Толстиков поймёт, что его жена вместе с детьми покинула дом без разрешения, — несколько дней.

Дарья ещё надеялась, что, оказавшись за воротами, станет свободной.

Она не знала, что для Толстикова закрытая дверь никогда не означала окончания разговора.

Часть I. Мужчина из сна. Глава 1.

Имя, которое она уже слышала

Дарья увидела его в тот день, когда решила больше никого не ждать.

Это решение не было торжественным. Она не произносила его перед зеркалом, не удаляла приложения для знакомств и не обещала подруге начать новую жизнь с понедельника. Просто утром, застёгивая куртку Кирилла, вдруг поняла: ей хорошо вдвоём с сыном.

Не идеально.

Иногда денег едва хватало до зарплаты. В ванной снова подтекал кран, а хозяин квартиры уже третью неделю обещал прислать сантехника. По вечерам Дарья так уставала, что засыпала рядом с Кириллом раньше, чем успевала поставить будильник.

Но в их маленькой квартире было спокойно.

Никто не исчезал на всю ночь.

Никто не возвращался с правильными словами и пустыми карманами.

Никто не клялся, что теперь всё обязательно изменится.

Дарья привыкла рассчитывать на себя. Сначала эта необходимость казалась наказанием, затем превратилась в привычку, а потом — в свободу.

— Мам, мы опоздаем, — напомнил Кирилл.

Он стоял возле двери, натянув шапку почти до глаз. Шарф волочился по полу.

— Это ты десять минут выбирал, какую машинку взять.

— Я выбирал не машинку.

— А что?

— Помощника.

Кирилл показал маленький синий автомобиль с отломанным колесом.

— Очень надёжный помощник.

— Он пострадал на задании.

— Тогда тем более пора выходить.

Дарья поправила ему шапку, завязала шарф и открыла дверь.

На улице лежал мокрый снег. Под ногами хлюпало, с крыш капала вода, а серое небо висело так низко, будто город накрыли тяжёлой крышкой. До детского центра было десять минут пешком, но Кирилл останавливался возле каждой лужи.

— Только не прыгай.

— Я измеряю глубину.

— Глубина измеряется не ботинком.

— А чем?

— Линейкой.

— Линейка промокнет.

Дарья улыбнулась.

— Убедил.

Они всё-таки опоздали на несколько минут.

В холле детского центра было шумно. Дети снимали куртки, родители стряхивали снег с обуви, администратор одновременно отвечала на звонок и объясняла кому-то расписание. От мокрых вещей, кофе из автомата и краски пахло той особенной суетой, которая бывает только в местах, созданных для детей.

Кирилл сразу увидел открытые двери игровой комнаты.

— Можно я пойду?

— Сначала переобуйся.

— Я быстро.

— Кирилл.

Он тяжело вздохнул, сел на низкую скамейку и начал развязывать шнурки.

Дарья сняла пальто и огляделась в поисках свободного места. На соседнем стуле лежала мужская куртка, рядом стояли аккуратно поставленные ботинки. Их носки были направлены строго в одну сторону.

Кто-то явно любил порядок.

— Мам, не получается.

Кирилл дёргал узел на шнурке. Чем сильнее тянул, тем туже тот становился.

Дарья присела перед ним.

— Потому что ты тянешь не за тот конец.

— За тот.

— Дай я.

Она попыталась подцепить узел ногтем, но мокрый шнурок затянулся слишком крепко.

— Ножницы нужны, — решил Кирилл.

— Чтобы потом идти в одном ботинке?

— Можно купить новые.

— Прекрасный финансовый план.

— Разрешите?

Мужской голос прозвучал совсем рядом.

Дарья подняла голову.

Перед ней стоял высокий мужчина в тёмном свитере. Волосы коротко подстрижены, лицо спокойное, почти строгое. На первый взгляд он казался старше Дарьи, хотя определить возраст было трудно.

Он не улыбался широко и не пытался сразу расположить к себе. Просто протянул руку.

— Здесь узел нужно сначала ослабить, а не развязывать.

Дарья отодвинулась.

— Попробуйте.

Мужчина присел перед Кириллом.

— Как тебя зовут?

— Кирилл.

— А меня Роман. Держи ботинок ровно.

Он не стал тянуть шнурок. Подцепил узел ключом, немного повернул и через несколько секунд освободил концы.

— Готово.

Кирилл посмотрел на него с уважением.

— Вы умеете развязывать всё?

— Почти всё.

— А морские узлы?

— Если знать, как они устроены.

— А если не знать?

— Тогда сначала нужно разобраться.

Роман поднялся и протянул Дарье ключи.

— Спасибо.

— Не за что.

Она взяла связку, и их пальцы на мгновение соприкоснулись.

Роман.

Имя отозвалось внутри странным толчком.

Дарья посмотрела на мужчину внимательнее.

Она уже слышала это имя.

Не в разговоре и не от знакомых. Не встречала его в переписке и не видела в документах.

Имя пришло во сне.

Несколько месяцев назад Дарья проснулась перед рассветом с ощущением, что кто-то только что позвал её. Она лежала в темноте и отчётливо слышала одно слово:

«Роман».

Во сне она не видела мужского лица. Только высокий забор, камеру над воротами и свет в окне большого дома. Где-то за дверью плакал ребёнок. Дарья держала на руках ма-

ленькую девочку, а рядом стоял Кирилл — старше, чем сейчас.

Мужской голос произнёс:

— Почему ты не предупредила, куда пошла?

Она ответила:

— Я всего лишь вышла за ворота.

— Ты должна была сказать.

Потом картинка изменилась. Дарья оказалась в небольшой квартире, заполненной коробками. На полу лежали детские вещи. Кирилл сидел возле окна, а незнакомая маленькая девочка спала на диване.

Во сне Дарья испытывала такое облегчение, что едва могла дышать.

«Слава богу, мы уехали».

Проснувшись, она долго пыталась понять, откуда и от кого уехала.

Имя осталось единственной подсказкой.

Роман.

Теперь оно принадлежало незнакомцу, развязавшему шнурок её сыну.

— Мам, ты чего? — спросил Кирилл.

Дарья поняла, что слишком долго смотрит на мужчину.

— Ничего.

Роман тоже заметил её замешательство.

— Мы знакомы?

— Нет. Наверное, я просто видела вас раньше.

— Здесь?

— Возможно.

Дарья не собиралась рассказывать незнакомому человеку, что узнала его имя из сна. Даже самой себе она не могла объяснить, почему это совпадение так её взволновало.

Из игровой комнаты выбежала девочка лет шести.

— Дядя Рома, пойдёте! Там башня падает!

— Значит, нужно укрепить основание, — ответил он.

— Мы укрепили!

— Тогда строители допустили ошибку.

Он повернулся к Дарье:

— Извините. Производственная авария.

На этот раз в его глазах появилась улыбка.

Роман ушёл в игровую комнату. Девочка схватила его за руку и потянула к большому конструктору.

— Это её папа? — спросил Кирилл.

— Не знаю.

— Она сказала «дядя».

— Значит, наверное, нет.

Кирилл наконец переобулся и побежал к детям.

Дарья осталась в холле.

За стеклянной перегородкой Роман сидел на ковре и внимательно рассматривал разрушенную башню. Он не делал вид, что играет с детьми. Не отвлекался на телефон и не бросал рассеянных замечаний. Он действительно слушал девочку, словно обсуждал с ней серьёзный строительный проект.

Кирилл присоединился к ним. Сначала держался в стороне, затем показал синюю машинку без колеса.

Роман осмотрел игрушку.

— Ремонтировать будем?

Кирилл кивнул.

Мужчина попросил у администратора скотч, нашёл выпавшую деталь и принялся закреплять колесо. Через минуту машина снова стояла на четырёх колёсах.

Кирилл поднял её над головой:

— Получилось!

Он обернулся к матери, и Дарья увидела на его лице восторг.

Илья тоже когда-то обещал починить эту машинку.

Сначала сказал, что сделает вечером. Потом — в выходные. Затем деталь куда-то потерялась, и Кирилл перестал спрашивать.

Дарья знала, что нельзя сравнивать незнакомого мужчину с бывшим мужем. Тем более из-за игрушки. Но сравнение возникло само.

Роман не обещал.

Он просто сделал.

— Вы впервые у нас? — спросила администратор.

Дарья вздрогнула.

— Да. Кирилл давно хотел на пробное занятие.

— Сегодня будет подготовка к школе. Потом педагог расскажет, как прошло.

— Хорошо.

— У вас договор заполнен?

— Ещё нет.

Администратор положила перед ней бланк.

Дарья села за стол. В графе «отец» задержала ручку, затем оставила строку пустой.

Она уже научилась не объяснять отсутствие Ильи. Не говорила, что он живёт в другом городе, редко звонит и почти не интересуется сыном. Не рассказывала, сколько раз Кирилл ждал его на день рождения и как долго смотрел на дверь.

Людям не нужны были подробности. Им хватало простого слова: «развелись».

В игровой комнате объявили начало занятия. Родители вышли в холл. Роман тоже появился из-за перегородки.

— Машина проездит недолго, — сказал он Дарье. — Нужен клей.

— Она уже несколько месяцев была без колеса. Для неё это серьёзный прогресс.

— Игрушки нужно ремонтировать сразу.

Фраза прозвучала чуть строже, чем требовала ситуация.

— Наверное.

— Иначе ребёнок привыкает, что сломанные вещи можно бросить.

Дарья посмотрела на него.

— Иногда сломанные вещи действительно лучше выбро-

силь.

Роман немного помолчал.

— Если их невозможно восстановить.

— Или если восстановление обойдётся дороже новой вещи.

— Не всё измеряется деньгами.

— Конечно. Иногда цена бывает совсем другой.

Он будто хотел что-то спросить, но в этот момент к нему подошла женщина лет тридцати пяти.

— Спасибо, что привёз Леру. Я после работы заберу её сама.

— Во сколько?

— Занятия до семи.

— Это я знаю. Во сколько ты будешь?

— Постараюсь к семи.

— «Постараюсь» — не время.

Женщина устало вздохнула:

— Без десяти семь.

— Хорошо.

Роман посмотрел на часы.

— Если задержишься, напиши заранее.

— Напишу.

Она быстро ушла, даже не сняв пальто.

Дарья сделала вид, что продолжает заполнять договор.

— Моя сестра, — объяснил Роман. — Вечно опаздывает.

— А девочка — ваша племянница?

— Да. Иногда приходится помогать.

— Вы говорите об этом так, будто выполняете служебное задание.

— Обещал привезти — привёз. Разве это не нормально?

— Нормально.

— Сейчас люди почему-то считают надёжность выдающимся качеством. Хотя это должно быть обычным поведением.

Дарья невольно улыбнулась.

— Не всем удаётся.

— Вам часто не удавалось на кого-то рассчитывать?

Вопрос был прямым, но не показался бестактным. Роман задавал его без любопытства, как человек, заметивший очевидную деталь.

Дарья закрыла ручку.

— Раньше — да.

— Отец Кирилла?

Она снова посмотрела на незаполненную графу.

— Вы очень наблюдательный.

— Работа такая.

— А кем вы работаете?

Роман назвал должность. Работа была связана с техникой, документами и ответственностью за результат. Он говорил о ней без хвастовства, коротко и точно.

— А вы? — спросил он.

Дарья рассказала о своей службе. Роман оживился.

— Значит, вы тоже любите порядок.

— На работе.

— А дома?

— Дома у меня Кирилл.

— Это не ответ.

— Это самое точное объяснение отсутствия порядка.

Роман улыбнулся.

В кабинет начали приглашать детей. Кирилл перед входом оглянулся и помахал матери.

Дарья ответила ему.

Роман заметил:

— Он постоянно проверяет, на месте ли вы.

— Ему так спокойнее.

— Боится, что вы уйдёте?

— Нет.

Дарья ответила слишком резко.

Роман не стал уточнять. Только кивнул, будто сохранил эту деталь для себя.

Они сели в разных концах холла. Дарья открыла телефон, но не могла сосредоточиться. Имя продолжало звучать в голове.

Роман.

Она попыталась вспомнить лицо мужчины из сна. Но лица там не было. Только голос, закрытые ворота и ощущение невозможности сделать шаг без объяснений.

«Почему ты не предупредила, куда пошла?»

Дарья посмотрела на Романа.

Он читал какие-то документы на планшете. Иногда поднимал глаза на часы. На его лице не было ничего угрожающего. Обычный мужчина, который помог племяннице, починил детскую игрушку и пришёл вовремя.

Сон ничего не доказывал.

Возможно, имя случайно осталось в памяти после фильма или разговора. Возможно, Дарья когда-то видела Романа в городе, слышала, как его назвали, а теперь мозг связал события.

Она не верила в неизбежность будущего.

Сны могли предупреждать. Но решение всегда оставалось за человеком.

Через сорок минут дверь кабинета открылась. Дети выбежали в холл.

Кирилл был возбуждён и говорил без остановки:

— Мам, у нас были карточки, и я первый решил про корабль, только там был не корабль, а лодка, но педагог сказала, что можно считать правильно, а ещё мы будем делать вулкан...

— Дыши.

— Я дышу.

— Между предложениями тоже желательно.

Он обнял её за талию.

Роман помог племяннице застегнуть куртку, проверил шапку и только потом надел свою.

На улице стемнело. Мокрый снег превратился в дождь.

— Вы пешком? — спросил Роман, когда они вышли из здания.

— Тут недалеко.

— В такую погоду лучше подвезу.

— Спасибо, мы дойдём.

— У ребёнка промокнут ноги.

Дарья посмотрела на Кирилла. Его ботинки действительно были мокрыми после измерения глубины луж.

— У нас есть машина, — сообщил мальчик.

— Кирилл.

— Что? Есть.

— Она в ремонте.

— Уже давно.

Роман перевёл взгляд на Дарью.

— Поехали. Это займёт пять минут.

— Не хочу вас затруднять.

— Если бы это меня затрудняло, я бы не предлагал.

В его голосе не было настойчивого обаяния, которым мужчины иногда прикрывают желание познакомиться. Он говорил так, будто оценил ситуацию и нашёл самое разумное решение.

Дарья согласилась.

Машина Романа была чистой даже в такую погоду. На заднем сиденье лежало детское кресло для племянницы.

Он не тронулся, пока Кирилл не пристегнулся.

— Адрес? — спросил Роман.

Дарья назвала улицу.

— Дом?

Она назвала номер.

Он ввёл адрес в навигатор, хотя наверняка знал дорогу.

В салоне тихо играла музыка. Роман вёл спокойно, не перестраивался без необходимости и заранее включал поворотники.

Дарья снова поймала себя на сравнении.

Илья ездил так, словно постоянно пытался доказать что-то дороге. Разгонялся перед светофором, ругался на других водителей, обещал, что контролирует ситуацию.

Роман ничего не доказывал.

Он просто управлял машиной.

Кирилл с заднего сиденья рассказывал о занятии. Роман задавал вопросы и запомнил имя педагога с первого раза.

— А вы всегда всё запоминаете? — спросил Кирилл.

— Стараюсь.

— Мама иногда забывает.

— Потому что у мамы много дел.

— А вы ей помогите.

Дарья повернулась:

— Кирилл!

— Что?

Роман тихо рассмеялся.

— Логичное предложение.

У подъезда он вышел первым и открыл заднюю дверь. Кирилл отстегнул ремень, но не спешил выходить.

— А вы ещё придёте?

— На занятия?

— Вообще.

Роман посмотрел на Дарью.

— Если твоя мама будет не против.

— Она не против.

— Кирилл, домой.

Мальчик выбрался из машины и побежал к подъезду.

Дарья задержалась возле двери.

— Простите. Он иногда говорит раньше, чем думает.

— Многие взрослые делают то же самое.

— Спасибо, что подвезли.

— Не за что.

Роман достал телефон.

— Дадите номер?

Вопрос прозвучал спокойно, без игры и смущения.

Дарья могла отказаться.

Она почти отказалась.

Вспомнила закрытые ворота, красную точку камеры и мужской голос из сна.

Но затем увидела Кирилла, который стоял возле подъезда и проверял, идёт ли она. В руке мальчик держал машинку с починенным колесом.

Сон показывал только одну из возможных дорог.

А перед ней стоял человек, который пока не сделал ничего плохого.

Дарья продиктовала номер.

Роман сразу набрал его. Телефон в её кармане завибрировал.

— Теперь у вас есть мой.

— Очень предусмотрительно.

— Не люблю, когда люди не знают, кто им звонит.

Она попрощалась и пошла к подъезду.

— Дарья.

Она обернулась.

— Напишите, когда зайдёте домой.

Дарья показала на дверь, до которой оставалось несколько шагов.

— Вы увидите.

— Всё равно напишите.

— Зачем?

Роман пожал плечами.

— Я должен знать, что вы с Кириллом нормально добрались.

Снова это слово.

Должен.

Не «хочу». Не «буду спокоен». Не «если вам не трудно».

Дарья уже слышала похожую интонацию. Там, во сне, за закрытыми воротами.

Она посмотрела на Романа внимательнее, пытаясь найти в

его лице подтверждение тревоге. Но увидела только заботливого мужчину, который стоял под холодным дождём и ждал, пока женщина с ребёнком войдёт в подъезд.

— Хорошо, — сказала она.

Кирилл потянул её за руку.

Они вошли. Дарья закрыла дверь, поднялась на второй этаж и достала телефон.

Сообщение уже ждало:

«Рад знакомству. Вы удивительная женщина. Берегите себя и Кирилла».

Она перечитала его дважды.

Потом написала:

«Мы дома. Спасибо ещё раз».

Ответ пришёл сразу:

«Теперь я спокоен».

Дарья улыбнулась.

После мужчины, который никогда не приходил вовремя и однажды почти исчез из жизни собственного сына, человек, желавший всегда знать, где она находится, казался ей самой надёжной судьбой.

Она ещё не понимала, что судьба редко входит в жизнь с предупреждением.

Иногда она сначала развязывает узел на детском ботинке.

Глава 2. Человек, который не исчезает

Роман позвонил на следующий день ровно в семь вечера.

Не в семь ноль пять, не ближе к восьми и не тогда, когда вспомнил. Ровно в семь — в то время, которое сам указал в утреннем сообщении.

Дарья как раз доставала из духовки запеканку. Кирилл сидел за столом и пытался незаметно скормить кусочек моркови синей машинке.

— Она не ест овощи, — объяснил он, когда мать заметила.

— Потому что машинам требуется бензин.

— Это электрическая.

— Тем более.

Телефон завибрировал на подоконнике.

На экране высветилось имя: «Роман».

Дарья вытерла руки полотенцем и несколько секунд смотрела на звонок. Она не ждала его весь день. Во всяком случае, старалась не ждать.

После развода ожидание стало для неё одной из форм слабости.

Раньше она могла часами смотреть на телефон, проверять сообщения, прислушиваться к шагам на лестнице. Илья обещал позвонить после работы, вернуться к ужину, привезти

деньги, прийти к сыну. Каждое обещание превращалось в неопределённость.

Дарья больше не хотела зависеть от чужого появления.

Но Роман появился точно в назначенное время.

— Добрый вечер, — произнёс он.

— Добрый.

— Не отвлекаю?

— Мы ужинаем.

— Тогда перезвоню через полчаса.

— Можете говорить. Запеканка не обидится.

— А Кирилл?

Мальчик сразу поднял голову.

— Я не обижусь!

Роман услышал.

— Значит, разрешение получено.

Дарья улыбнулась и включила громкую связь.

— Как машина? — спросил Роман.

— Хорошо! — крикнул Кирилл. — Колесо пока держится.

— «Пока» — важное уточнение.

— Она уже падала с дивана.

— А зачем ты бросал её с дивана?

— Это был краш-тест.

— Понятно. Производитель проверяет качество ремонта.

Кирилл довольно засмеялся.

Дарья поставила на стол тарелки.

— Вы позвонили узнать о машине?

— В том числе. Ещё хотел спросить, как прошло занятие.

— Кириллу понравилось. Он собирается делать вулкан.

— Настоящий? — уточнил Роман.

— Почти, — сказал Кирилл. — Из соды.

— Тогда предупреди маму до извержения.

— Я всегда предупреждаю.

Дарья выразительно посмотрела на сына.

— Почти всегда, — поправился он.

Разговор длился пятнадцать минут. Роман не рассказывал о себе без остановки, не пытался поразить Дарью и не задавал вопросов, на которые ей было неудобно отвечать. С Кириллом он разговаривал так же внимательно, как со взрослым.

Перед тем как попрощаться, сказал:

— В субботу в городском парке будет выставка техники. Там обещают старые автомобили и несколько военных машин. Кириллу может понравиться.

— Мне понравится! — немедленно решил мальчик.

Дарья посмотрела на него.

— Ты даже не знаешь, что там будет.

— Машины.

— Железная логика, — заметил Роман.

— Мам, пойдём?

Она понимала, что вопрос адресован не только ей.

— Можно сходить.

— Я заеду в десять, — сказал Роман.

Дарья подняла брови.

— Это уже решено?

На другом конце ненадолго стало тихо.

— Нет. Предложено. В десять удобно?

Она ожидала, что он обидится или начнёт объяснять, почему именно этот вариант самый правильный. Но Роман просто ждал ответа.

— В одиннадцать, — сказала Дарья. — В субботу Кирилл любит поспать.

— В одиннадцать так в одиннадцать.

Он принял изменение времени без спора, и её короткая настороженность сразу показалась излишней.

— Тогда до субботы.

— До субботы, — ответила Дарья.

— Подождите, — вмешался Кирилл. — А завтра вы позвоните?

Роман рассмеялся.

— Если мама разрешит.

— Разрешит.

После звонка Кирилл подвинул тарелку и внимательно посмотрел на мать.

— Он хороший.

— Ты успел это определить по одному колесу?

— И по выставке.

— Очень серьёзные доказательства.

— А тебе он нравится?

Дарья поставила перед ним запеканку.

— Ешь.

— Значит, нравится.

— Значит, остынет.

Кирилл взял вилку, но продолжал улыбаться.

В пятницу Роман прислал адрес выставки, схему парковки и прогноз погоды. В отдельном сообщении предупредил, что в парке может быть грязно, поэтому Кириллу лучше надеть непромокаемую обувь.

Дарья перечитала советы и поймала себя на лёгком раздражении.

Она знала, как одевать собственного ребёнка.

Но почти сразу раздражение сменилось другим чувством. Роман думал о них заранее. Помнил о Кирилле. Проверил погоду. Нашёл парковку.

Илья тоже иногда предлагал куда-нибудь поехать. Обычно это происходило вечером, без подготовки и денег. Если Дарья спрашивала о времени возвращения или детской еде, он обвинял её в неспособности быть спонтанной.

Роман отличался от него во всём.

В субботу он приехал без опоздания. В одиннадцать ровно его машина остановилась возле подъезда.

Кирилл ждал у окна с десяти сорока.

— Он уже здесь!

— Я вижу.

— Можно я спущусь?

— Вместе пойдём.

— Ты долго.

— Я надеваю пальто.

— Очень долго надеваешь.

Дарья посмотрела на часы.

— Роман приехал тридцать секунд назад.

— Он ждёт.

Это слово Кирилл произнёс с такой серьёзностью, что Дарья замерла.

Он ждёт.

Для сына чужое ожидание тоже стало чем-то необычным.

Кирилл привык, что ждать приходится ему.

Дарья застегнула пальто, взяла сумку, и они спустились.

Роман вышел из машины. В руках у него был большой прямоугольный пакет.

— Это вам, — сказал он Кириллу.

Мальчик посмотрел на мать, ожидая разрешения.

— Что там? — спросила Дарья.

— Конструктор.

— Зачем?

— Увидел вчера. Решил, что ему понравится.

— Вы не должны были ничего покупать.

— Я знаю.

Ответ обезоружил её.

Роман протянул пакет Кириллу.

— Открывать будем после выставки.

— Почему после?

— Потому что если откроешь сейчас, никуда не поедем.

Кирилл прижал подарок к груди.

— А можно в машине посмотреть коробку?

— Коробку можно.

Они отправились в парк.

Выставка оказалась больше, чем Дарья ожидала. На центральной аллее стояли старые автомобили, мотоциклы и техника военных лет. Возле каждой машины собиралась толпа. Дети пытались забраться внутрь, родители фотографировали, ведущий что-то рассказывал через громкоговоритель.

Кирилл переходил от одного экспоната к другому и задавал десятки вопросов.

Роман знал ответы почти на все. Объяснял, чем отличаются двигатели, зачем нужны определённые детали и почему старые машины могли работать без современной электроники.

— Вы всё знаете? — спросила Дарья.

— Нет.

— Пока не заметно.

— Я знаю то, что мне интересно.

— А если не знаете?

— Разбираюсь.

Эту фразу он уже говорил Кириллу в детском центре.

У Романа на всё существовал порядок: сначала понять

устройство, затем действовать. В его мире не было места случайности.

Возле старого грузовика Кирилл забрался на подножку и потянулся к открытой двери.

— Не трогай, — сказал Роман.

Мальчик не услышал.

— Кирилл.

Роман произнёс имя негромко, но в его голосе появилась такая твёрдость, что ребёнок сразу убрал руку.

— Там можно смотреть, но нельзя трогать без разрешения.

— Другие трогают.

— Ты отвечаешь не за других.

— Но таблички нет.

— Если таблички нет, это не значит, что разрешено.

Кирилл посмотрел на Дарью.

— Мам?

Она подошла ближе.

— Действительно лучше спросить.

Роман кивнул, словно она подтвердила очевидное правило.

Через минуту эпизод был забыт. Кирилл увидел мотоцикл и побежал к нему. Но Дарья ещё некоторое время ощущала напряжение, возникшее от одного изменения в голосе Романа.

Он не повысил тон.

Не прикоснулся к мальчику.

Не сказал ничего несправедливого.

И всё же Кирилл подчинился мгновенно.

Они провели в парке почти три часа. Роман купил Кириллу горячий шоколад, Дарье — кофе. Когда мальчик устал, мужчина посадил его себе на плечи.

Дарья смотрела, как сын держится за его голову и смеётся, и чувствовала что-то похожее на надежду.

Она не искала Кириллу нового отца. Никто не мог занять место человека, который подарил ему жизнь, а потом добровольно отошёл в сторону. Но ребёнку нужен был взрослый мужчина, который не только обещает прийти.

Роман был здесь.

Не в будущем.

Не после выходных.

Не когда решит свои проблемы.

Сейчас.

На обратном пути Кирилл уснул в машине, обняв коробку с конструктором. Роман убавил музыку и повёл осторожнее.

— Спасибо, — тихо сказала Дарья.

— За что?

— За день. Кирилл давно так не радовался.

— Мне тоже было интересно.

— Вы хорошо ладите с детьми.

— С ними проще, чем со взрослыми.

— Почему?

— Дети говорят прямо, чего хотят.

— Не всегда.

— Тогда нужно задавать правильные вопросы.

Роман остановился на светофоре и посмотрел на спящего

Кирилла в зеркале.

— Он часто спрашивает об отце?

Дарья напряглась.

— Иногда.

— Видятся?

— Редко.

— Насколько редко?

— Роман...

— Извините. Не моё дело.

Он сразу отступил.

Дарья ожидала продолжения, но его не последовало. До дома они ехали молча.

У подъезда Кирилл проснулся и первым делом спросил:

— Мы сейчас будем собирать?

— Дома, — сказала Дарья.

— Роман с нами пойдёт?

Она посмотрела на мужчину.

— Если вы не заняты, можете выпить чаю.

— Могу.

Это был первый раз, когда Роман вошёл в её квартиру.

Дарья неожиданно увидела своё жильё его глазами. Маленькая прихожая. Детские рисунки на стенах. Обувь возле

двери. Сушилка с бельём в комнате. Коробка игрушек, которую Кирилл так и не научился закрывать.

— У нас немного тесно, — сказала она.

— Зато чисто.

Ей показалось, что Роман действительно успел оценить порядок.

Кирилл уже тащил конструктор к столу.

В коробке оказался большой механический кран. Модель состояла из множества деталей, винтов и креплений. На упаковке стояла маркировка «восемь плюс».

— Ему шесть, — заметила Дарья.

— Соберём вместе.

Роман разложил детали по размеру. Отдельно положил винты, колёса и инструменты. Кирилл потянулся к большой жёлтой панели.

— Подожди.

— Я только посмотрю.

— Сначала изучим инструкцию.

— Я знаю, как собирать.

— Ты ещё не видел схему.

— Кран должен быть вот такой.

Кирилл поставил две панели под углом и попытался соединить их винтом.

— Не так, — сказал Роман.

— Так тоже можно.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что деталь должна стоять другой стороной.

— А я хочу, чтобы кабина была сзади.

— Тогда кран не получится.

— Получится другой.

Роман забрал у него панель и повернул.

— Конструктор создан для определённой модели. Если хочешь собрать кран, следуй схеме.

Кирилл нахмурился.

— Я не хочу по схеме.

— Тогда зачем мы открывали коробку?

— Чтобы играть.

— Сначала нужно собрать правильно. Потом будешь играть.

Дарья поставила чайник и наблюдала за ними.

Ситуация казалась незначительной. Роман купил подарок, сел вместе с ребёнком, терпеливо разбирал детали. Он имел право объяснять, как устроен конструктор.

Но Кирилл постепенно переставал участвовать. Роман находил нужные винты, соединял панели, проверял крепления. Мальчик сначала подавал детали, затем просто сидел рядом.

— Давайте позволим ему попробовать самому, — предложила Дарья.

— Он не читает инструкцию.

— Может, ему не нужен именно такой кран.

— Тогда зачем производитель положил схему?

— Чтобы показать один из вариантов.

Роман посмотрел на неё.

— Это не набор кубиков. Здесь механизм. Если собрать неправильно, он не будет работать.

Кирилл снова взял две детали.

— Они подходят.

— Нет.

— Подходят.

— Кирилл, я уже объяснил.

— Но я хочу так.

Роман протянул руку:

— Дай сюда.

Мальчик прижал детали к груди.

— Нет.

В комнате стало тихо.

Дарья почувствовала, как изменилось выражение лица Романа. Улыбка исчезла, взгляд стал внимательным и холодным.

— Что ты сказал?

Кирилл посмотрел на мать.

— Он хочет собрать сам, — ответила Дарья вместо него.

— Я слышал. Но когда взрослый просит дать вещь, ребёнок не должен отвечать «нет».

— Это его конструктор.

— Который я ему подарил.

— Именно поэтому теперь он принадлежит Кириллу.

Роман медленно опустил руку.

— Хорошо.

Он отодвинулся от стола.

— Собирай сам.

Кирилл несколько секунд не двигался. Затем взял винт и попытался соединить детали. У него не получилось. Он попробовал снова, уронил крепление на пол и полез под стол.

Роман молча пил чай.

Дарья видела, что он обижен, хотя не понимала, на кого именно — на ребёнка или на неё.

Через несколько минут Кирилл принёс матери две детали.

— Поможешь?

— Конечно.

Дарья села рядом. Вместе они собрали странную конструкцию, лишь отдалённо напоминавшую кран. Кабина действительно оказалась сзади, стрела смотрела вбок, а одно колесо не касалось стола.

Кирилл был доволен.

— Смотри, он может поворачиваться!

Механизм повернулся и сразу развалился.

Мальчик рассмеялся.

— Сейчас починим.

Роман поставил чашку.

— Я пойду.

Дарья проводила его в прихожую.

— Вы обиделись?

— Нет.

— Похоже, что да.

Он надел куртку и аккуратно застегнул молнию.

— Просто не понимаю, зачем покупать ребёнку хороший конструктор, если ему позволяют делать что попало.

— Он играет.

— Он должен учиться доводить дело до результата.

— Ему шесть лет.

— Именно в этом возрасте формируются привычки.

Дарья прислонилась к стене.

— Роман, вы подарили ему конструктор. Спасибо. Но способ игры он может выбрать сам.

— Даже если делает неправильно?

— Это игрушка. Здесь нет ничего неправильного.

— Неправильная сборка есть везде.

— Вы сейчас серьёзно спорите со мной из-за детского кра-на?

— Я не спорю. Я объясняю принцип.

— Какой?

— Если за что-то берёшься, делай как следует.

Дарья посмотрела в комнату. Кирилл снова соединял детали. Язык от усердия высунулся между губами.

— Для него результат — не готовая модель. Ему интересен процесс.

— Поэтому он бросит, как только не получится.

— Возможно.

— И вы позволите?

— Да.

Роман немного помолчал.

— Вы слишком часто соглашаетесь с ним.

— Он мой сын.

— Это не значит, что ребёнок всегда прав.

— Я этого и не говорила.

— Сейчас он грубо ответил взрослому, а вы его поддерживали.

— Он сказал «нет».

— Именно.

— Это не грубость.

Роман внимательно посмотрел ей в глаза.

— Вам нравится, когда он спорит?

— Мне нравится, когда он может сказать, чего хочет.

— Даже если это противоречит требованиям взрослого?

Слово «требования» неприятно резануло слух.

— Вы пока ничего не можете от него требовать.

Взгляд Романа изменился.

Дарья сразу поняла, что сказала больше, чем собиралась.

— Вы правы, — ответил он после паузы. — Не могу.

Он открыл дверь.

— Роман, подождите.

— Всё нормально.

— Не нормально. Вы хотели помочь, а мы...

— Вы ничего не сделали. Я просто неверно понял свою

роль.

— Какую роль?

— Никакую.

Он вышел на лестничную площадку.

Дарья могла позволить ему уйти. Возможно, следовало именно так и поступить. Они были знакомы несколько дней. Она не обязана была объяснять ему особенности воспитания Кирилла, а он не имел права обижаться из-за детской игрушки.

Но в его реакции не было крика или оскорбления. Роман отступил сразу, как только она обозначила границу.

И это снова отличало его от Ильи.

— Давайте начнём сначала, — предложила Дарья.

Роман остановился.

— В каком смысле?

— Кирилл не привык к вам. Вы не привыкли к нему. Нормально, что не всё получается сразу.

— Я не собирался его воспитывать.

— Но начали.

Он впервые за весь разговор улыбнулся.

— Возможно, профессиональная деформация.

— Вы работаете с техникой, а не с детьми.

— Механизмы хотя бы не спорят с инструкцией.

— Поэтому Кирилл никогда не станет механизмом.

Роман посмотрел в комнату.

— Я хотел сделать как лучше.

— Я знаю.

— Не хотел его обидеть.

— Тогда скажите ему это.

Он вернулся.

Кирилл сидел на полу и собирал конструкцию уже без всякого сходства с краном.

Роман присел рядом.

— Покажешь, что получилось?

Мальчик настороженно посмотрел на него.

— Это машина, которая поднимает другие машины.

— Понятно.

— Она ещё не готова.

— Можно помочь?

Кирилл подумал.

— Можно. Только не по инструкции.

Роман перевёл взгляд на Дарью. В его глазах мелькнуло что-то похожее на иронию.

— Хорошо. Не по инструкции.

Они снова сели вместе.

На этот раз Роман спрашивал, какую деталь подать, и не исправлял каждый шаг. Получившийся механизм был нелепым, неустойчивым и действительно мог поднимать маленькие машинки.

Кирилл назвал его «автоспасателем».

Когда Роман наконец ушёл, было уже поздно.

— Он сердитый, — сказал Кирилл, укладываясь в кро-

вать.

Дарья поправила одеяло.

— Почему ты так решил?

— Когда я не дал ему деталь, у него глаза стали другими.

— Он просто хотел собрать правильно.

— А мы неправильно?

— Мы собрали по-своему.

— Ему не понравилось.

— Потом понравилось.

Кирилл помолчал.

— Он ещё придёт?

— Хочешь, чтобы пришёл?

— Да.

— Тогда, наверное, придёт.

— Он умеет чинить.

— Уже два доказательства.

— Три.

— Какое третье?

— Он не ушёл насовсем.

Дарья провела рукой по волосам сына.

Роман действительно не исчез.

На следующий день он позвонил. Затем снова. Пригласил их в кафе, помог Дарье найти хорошего мастера для машины, привёз Кириллу клей и окончательно починил синюю игрушку.

Он всегда предупреждал, если задерживался.

Если говорил, что будет через двадцать минут, появлялся через двадцать.

Если обещал позвонить вечером, телефон звонил в назначенное время.

Если не мог приехать, объяснял причину заранее.

Постепенно его присутствие вплелось в их жизнь.

В понедельник он спрашивал, как прошло занятие Кирилла.

Во вторник интересовался, починил ли мастер машину.

В среду привозил продукты, потому что Дарья задержалась на работе.

В четверг встречал их возле детского центра.

В пятницу предлагал планы на выходные.

Он не оставлял пустых мест, в которых могли поселиться сомнения.

Через месяц Дарья поймала себя на том, что ставит на стол третью чашку, не спрашивая, придёт ли Роман.

Он почти всегда приходил.

Однажды вечером Кирилл разлил сок на только что собранный механизм. Роман нахмурился и потребовал немедленно вытереть стол.

Мальчик устал и ответил:

— Потом.

— Не потом. Сейчас.

— Мам...

Дарья дала Кириллу салфетку.

— Вытри, пожалуйста.

Он неохотно провёл ею по столу.

— И подними коробку с пола, — добавил Роман.

Кирилл посмотрел на мать.

— Сначала вытри сок, — сказала она. — Остальное потом.

Роман ничего не возразил. Но когда мальчик ушёл в комнату, спросил:

— Почему ты снова разрешила ему спорить?

— Он не спорил.

— Я попросил поднять коробку. Он посмотрел на тебя, чтобы ты отменила моё требование.

— Потому что я его мать.

— А я тогда кто?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Дарья замолчала.

Они ещё не обсуждали будущее. Роман не говорил о совместной жизни или семье. Но в его голосе прозвучало право на место, которого она пока ему не давала.

— Ты Роман, — ответила она.

— Очень содержательно.

— А что ты хочешь услышать?

— Ничего.

— Тогда зачем спросил?

Он подошёл к окну.

— Мне кажется, ты сама не понимаешь, чего хочешь от

наших отношений.

— Мы знакомы месяц.

— И что?

— И я не собираюсь немедленно назначать тебе роль.

— Я не прошу назначать.

— Просишь.

Роман повернулся.

— Я просто не хочу быть человеком, который приходит сюда развлечь ребёнка и выпить чай.

— Ты им и не являешься.

— Тогда почему любое моё слово можно отменить одним его взглядом на тебя?

— Потому что ты пока не имеешь права устанавливать для него правила.

— Опять «пока».

— Да, пока.

— А когда это изменится?

Дарья почувствовала знакомую тревогу. Разговор, начавшийся с пролитого сока, незаметно превратился в обсуждение их будущего.

— Я не знаю.

— Тебя устраивает неопределённость?

— Иногда отношениям нужно время.

— Время для чего?

— Чтобы узнать друг друга.

— Ты мне не доверяешь?

Вот оно.

Вопрос, на который невозможно ответить правильно.

Если она скажет «доверяю», Роман спросит, почему тогда не позволяет ему участвовать в воспитании Кирилла. Если скажет «не доверяю», придётся объяснять, что он сделал не так.

— Доверие не появляется за месяц, — сказала Дарья.

— Я ни разу тебя не подвёл.

— Это правда.

— Не пропадал.

— Не пропадал.

— Не соврал.

— Насколько мне известно, нет.

— Помогаю тебе и Кириллу.

— Да.

— Тогда чего не хватает?

Дарья смотрела на него и не находила ответа.

Роман действительно делал всё правильно.

Приходил.

Помогал.

Помнил.

Не исчезал.

После Ильи это казалось не просто достоинством, а доказательством серьёзности чувств.

Она подошла ближе.

— Мне нужно привыкнуть к тому, что на человека можно

рассчитывать.

Лицо Романа смягчилось.

— Я понимаю.

— Не думаю.

— Тогда объясни.

— Раньше, если мне обещали прийти, я не знала, появится ли человек вообще. Если обещали деньги, не была уверена, что они существуют. Если говорили, что всё закончилось, я ждала следующей лжи. Теперь ты спрашиваешь, почему я не доверяю после месяца знакомства.

Роман взял её за руку.

— Я не он.

— Знаю.

— Я никогда так с тобой не поступлю.

— Ты не можешь обещать, что никогда меня не обидишь.

— Могу обещать, что не исчезну.

Дарья посмотрела на их соединённые руки.

Именно это ей хотелось услышать.

— Даже если мы поссоримся? — спросила она.

— Даже если ты будешь права.

Она подняла глаза.

— Почему сразу я?

Роман улыбнулся.

— Потому что я стараюсь не ошибаться.

Дарья рассмеялась, решив, что это шутка.

Он тоже улыбнулся и притянул её ближе.

В тот вечер они впервые говорили о совместном будущем. Пока осторожно, без конкретных решений. Роман рассказывал о доме, который хотел бы построить или купить. Дарья призналась, что мечтает о дочери. Он сказал, что семья должна быть большой и крепкой.

Когда Роман ушёл, Кирилл вышел из комнаты.

— Вы помирились?

— Мы не ссорились.

— Он говорил громче.

— Просто обсуждали.

— Он теперь будет здесь жить?

— Нет.

— А потом?

Дарья посмотрела на сына.

— Не знаю.

— Если будет, он всегда станет говорить, что делать?

— Он хочет помочь.

Кирилл задумался.

— А если я не хочу помощи?

— Тогда скажи.

— Он сердится, когда я говорю.

— Роман должен привыкнуть, что у тебя есть своё мнение.

— А если не привыкнет?

Дарья обняла сына.

— Тогда мы с ним поговорим.

Она ещё верила, что любой конфликт можно решить раз-

говором.

Не знала, что однажды разговоры станут главным оружием Романа.

В тот вечер телефон завибрировал в половине одиннадцатого.

«Добрался. Спасибо за вечер».

Следом пришло второе сообщение:

«Прости, если был слишком настойчив. Я просто хочу понимать, какое место занимаю в вашей жизни».

Дарья ответила:

«Важное. Но нам всем нужно время».

Роман написал почти сразу:

«Я готов ждать. Я никуда не исчезну».

Она прижала телефон к груди.

За годы первого брака Дарья много раз молилась о мужчине, который однажды придёт и останется. Который не бросит её одну с проблемами, не уйдёт от ответственности и не заставит ребёнка ждать возле окна.

Теперь такой человек появился.

Он не исчезал.

Дарья пока не знала, что присутствие тоже может стать угрозой.

Особенно если человек однажды решит, что имеет право оставаться рядом независимо от того, хотят ли этого остальные.

Глава 3. Правильный мужчина

Через два месяца после знакомства Роман знал расписание Дарьи лучше, чем она сама.

По понедельникам Кирилл ходил на подготовку к школе. По средам — в бассейн. В пятницу Дарья обычно задерживалась на работе, поэтому забирала сына Елена. По субботам они покупали продукты на неделю, а воскресенье старались оставлять свободным.

Роман не записывал это при ней и почти никогда не переспрашивал.

Он просто помнил.

— В среду я отвезу Кирилла в бассейн, — сказал он однажды.

Дарья стояла перед зеркалом и пыталась застегнуть серьгу. Они собирались на день рождения её коллеги. Роман приехал раньше и теперь ждал в прихожей.

— Почему в среду?

— У тебя проверка на работе.

Она наконец справилась с застёжкой и повернулась к нему.

— Откуда ты знаешь?

— Ты говорила.

— Когда?

— В прошлый четверг. Мы ехали за Кириллом.

Дарья не помнила этого разговора.

— Возможно.

— Не возможно, а точно. Ты сказала, что освободишься не раньше восьми.

— Я могла договориться с мамой.

— Зачем, если могу я?

— У тебя своя работа.

— Я закончу к шести.

— Бассейн начинается в половине седьмого.

— Поэтому заеду за ним в шесть десять.

Он произнёс это так, будто маршрут уже был построен, время рассчитано, а вопрос решён.

Дарья посмотрела на него через зеркало.

— Ты всегда всё планируешь?

— Стараюсь.

— А если планы меняются?

— Тогда строю новые.

— Так просто?

— Если не тратить время на переживания.

С Ильёй любой неожиданный поворот превращался в катастрофу. Сломанная машина означала, что вся неделя разрушена. Перенесённая встреча становилась поводом отказаться от остальных дел. Нехватка денег требовала не расчёта, а надежды на большой выигрыш.

Роман воспринимал проблему как задачу.

Наверное, именно поэтому рядом с ним Дарья постепенно

перестала чувствовать, что обязана удерживать на себе всю жизнь.

— Хорошо, — сказала она. — В среду отвезёшь Кирилла.

— Я уже ему пообещал.

Дарья медленно опустила руки.

— Ты сначала сказал ему?

— А что?

— Это нужно было обсудить со мной.

— Ты сама говорила, что не знаешь, кто его отвезёт.

— Но не просила тебя договариваться с ребёнком.

Роман некоторое время молчал. Затем встал со стула.

— Согласен.

— Что?

— Нужно было сначала спросить тебя.

Он произнёс это без раздражения и попытки оправдаться.

Дарья ожидала продолжения, но его не последовало.

— И всё?

— А что ещё?

— Ничего.

— Я ошибся. Больше так не сделаю.

Он подошёл и поправил выбившуюся прядь её волос.

— Ты готова?

Дарья посмотрела на своё отражение.

Рядом с ней стоял красивый, спокойный мужчина, способный признавать ошибки. Он не спорил часами, не выворачивал её слова и не делал виноватой за замечание.

Правильный мужчина.

Именно так позже назвала его Софья.

Они встретились в небольшом кафе через неделю. Софья приехала в город по делам и настояла, что должна лично познакомиться с человеком, о котором Дарья наконец начала рассказывать без осторожных оговорок.

Первые двадцать минут она наблюдала за Романом почти профессионально: задавала вопросы, следила за реакцией, замечала, как он разговаривает с официантом и насколько часто перебивает Дарью.

Роман выдержал проверку спокойно.

Он не пытался понравиться Софье, но был внимателен. Помог снять пальто, заказал чай, запомнил имя её дочери. Когда Дарья ненадолго отошла ответить на рабочий звонок, не стал расспрашивать подругу о прошлом.

По крайней мере, так сказала сама Софья.

— Правильный мужчина, — вынесла она вердикт, когда Роман уехал.

Они остались вдвоём. Кирилл ночевал у бабушки, и Дарья впервые за долгое время могла не смотреть на часы.

— Это хорошо или плохо? — спросила она.

— Пока хорошо.

— Почему «пока»?

— Потому что идеальных людей не существует. Если человек выглядит абсолютно правильным, значит, мы ещё не поняли, в чём его странность.

— Обязательно должна быть странность?

— Конечно. Может быть, он коллекционирует крышки от бутылок или спит в носках.

— Он любит, чтобы всё лежало на своих местах.

— Не страшно.

— И заранее планирует почти каждую минуту.

— Полезно.

— Ещё считает, что дети должны слушаться взрослых.

— Большинство мужчин так считает, пока не проведёт с ребёнком целый день.

Дарья улыбнулась.

— Кирилл к нему тянется.

— Вижу.

— Иногда даже слишком.

— Ревнуешь?

— Скорее боюсь.

Софья перестала улыбаться.

— Чего?

Дарья провела пальцем по краю чашки.

— Что Кирилл привыкнет. А потом Роман исчезнет.

— Он собирается исчезнуть?

— Нет.

— Тогда почему ты об этом думаешь?

— Потому что раньше тоже никто не объявлял заранее.

Софья накрыла её руку своей.

— Илья ушёл не потому, что ты недостаточно хорошо его

удерживала. И если Роман однажды уйдёт, это тоже не будет означать, что ты должна была любить правильнее.

— Я понимаю.

— Не понимаешь. Ты всё ещё смотришь на каждого мужчину и пытаешься заранее определить, способен ли он бросить тебя с ребёнком.

Дарья отвела взгляд.

— Роман не похож на Илью.

— Это не характеристика.

— В смысле?

— Ты всё время говоришь, каким он не является. Не врёт. Не опаздывает. Не занимает деньги. Не пропадает. А какой он сам?

Дарья задумалась.

Ответ должен был быть простым, но неожиданно потребовал усилия.

— Надёжный.

— Ещё?

— Внимательный. Ответственный. Умный.

— Что любит?

— Технику. Порядок. Работу.

— Что его радует?

Дарья молчала.

— Чего он боится?

— Не знаю.

— Как ведёт себя, когда не получает желаемого?

Она вспомнила конструктор и взгляд Романа, когда Кирилл отказался отдать деталь.

— Становится холодным.

— Злится?

— Не совсем. Начинает объяснять.

— Что объяснять?

— Почему нужно было поступить иначе.

— И долго объясняет?

— Пока с ним не согласятся.

Софья медленно кивнула.

— Вот. Уже человек, а не список достоинств.

— Ты видишь проблему?

— Пока нет. Просто не сравнивай его всё время с бывшим мужем. Любой человек, который не проигрывает деньги и приходит вовремя, будет казаться идеальным на фоне Ильи.

— Ты несправедлива к Роману.

— Возможно. Поэтому смотри сама. Только не закрывай глаза, если заметишь что-то неприятное.

Дарья вернулась домой поздно. Роман написал, когда она ещё сидела в кафе:

«Всё хорошо?»

Она ответила, что разговаривает с Софьей.

Через полчаса пришло второе сообщение:

«Во сколько планируешь домой?»

Дарья написала:

«Скоро».

Третье сообщение появилось, когда они с подружкой уже прощались:

«Что значит “скоро”?»

Она назвала примерное время.

У подъезда стояла машина Романа.

Он сидел за рулём и смотрел на вход.

Дарья остановилась.

Роман заметил её, вышел и направился навстречу.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Нет.

— Почему ты здесь?

— Решил встретить.

— Я не просила.

— Уже поздно.

— Здесь освещённая улица. От кафе десять минут пешком.

— И что?

— Ничего. Просто не ожидала тебя увидеть.

Он поцеловал её в щёку.

— Хотел сделать приятное.

Дарья почувствовала себя неблагодарной.

— Спасибо.

— Софья уехала?

— Да.

— Как посидели?

— Хорошо.

— Обо мне говорили?

— Немного.

— И что она сказала?

— Что ты правильный мужчина.

Роман усмехнулся.

— Звучит подозрительно.

— Почему?

— Правильными обычно называют скучных.

— Она не имела этого в виду.

— А что ещё сказала?

Дарья посмотрела на него.

— Роман, это наш с ней разговор.

— Я просто спросил.

— А я просто не хочу пересказывать.

Его лицо почти не изменилось, но в глазах появилась знакомая сосредоточенность.

— Значит, обсуждали что-то неприятное.

— Почему сразу неприятное?

— Если бы приятное, ты бы сказала.

— Возможно, я не хочу пересказывать разговор независимо от его содержания.

— Хорошо.

Он произнёс это спокойно, но по дороге к подъезду молчал.

Дарья открыла дверь и первой вошла в холл.

— Ты обиделся?

— Нет.

— Тогда почему молчишь?

— Не хочу задавать вопросы, на которые ты всё равно не ответишь.

— Ты можешь задавать. Я могу не отвечать.

— Странное представление о близости.

— А твоё представление о близости предполагает отсутствие личных разговоров?

— Предполагает, что близкие люди ничего друг от друга не скрывают.

— Я ничего не скрываю. Просто у Софьи тоже есть право на личное.

Роман нажал кнопку лифта.

— Я не спрашиваю о Софье. Я спрашиваю, что она говорила обо мне.

— Это и был наш разговор.

— Тогда почему он должен оставаться тайной?

Двери лифта открылись.

Дарья вошла. Роман последовал за ней.

В тесной кабине его присутствие ощущалось особенно сильно. Он не приближался, не повышал голос и не выглядел угрожающим. Просто ждал ответа.

— Она сказала, что мне не стоит сравнивать тебя с Ильёй.

— Ты меня с ним сравниваешь?

— Иногда. Не специально.

— И кто выигрывает?

— Это не соревнование.

— Но сравнение предполагает результат.

Дарья вздохнула.

— Она считает, что после Ильи любой надёжный мужчина покажется мне идеальным.

— Понятно.

Лифт остановился.

Роман вышел первым.

— Что тебе понятно?

— Твоя подруга мне не доверяет.

— Она тебя почти не знает.

— Именно. Но уже делает выводы.

— Она беспокоится обо мне.

— А я, по её мнению, представляю опасность?

— Роман, она этого не говорила.

— Тогда почему ты так нервничаешь?

Дарья достала ключи.

— Потому что обычная встреча с подругой превратилась в допрос.

— Я задаю простые вопросы.

— И не принимаешь ответ, если он тебе не нравится.

— Мне не нравится, когда люди обсуждают меня за спиной.

— Все люди иногда обсуждают друг друга.

— Ты рассказываешь ей о наших отношениях?

— Конечно.

— Зачем?

Дарья замерла, не вставив ключ в замок.

— Потому что она моя подруга.

— Она не живёт с нами и не знает всей ситуации.

— Какой ситуации?

— Любой. Если мы спорим и ты пересказываешь только свою версию, она будет считать виноватым меня.

— Мы почти не спорим.

— Сейчас спорим.

— И что я должна сделать? Никому не рассказывать?

— Я такого не говорил.

— Тогда что ты говоришь?

Роман провёл рукой по лицу.

— Что семейные отношения должны оставаться внутри семьи.

Слово «семейные» прозвучало неожиданно. Они ещё не жили вместе, не были женаты и даже не определили точно, кем являются друг для друга. Но Роман уже отделил их от остального мира невидимой границей.

Дарья открыла дверь квартиры.

— Не хочу продолжать этот разговор.

— Почему?

— Потому что устала.

— Мы не договорили.

— Договорим завтра.

— Ты всегда уходишь от неудобных тем?

— Нет. Иногда просто хочу спать.

Роман задержался на пороге.

— Ты пригласишь меня?

— Кирилл у мамы, но уже поздно.

— Я не спрашивал, где Кирилл.

— Я знаю.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Роман отступил.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Роман...

— Что?

Дарья не знала, зачем остановила его. Возможно, не хотела, чтобы первый серьёзный разговор закончился холодом. Возможно, боялась, что утром он уже не позвонит.

Старая тревога оказалась сильнее раздражения.

— Не уезжай так.

— Как?

— Будто между нами произошло что-то серьёзное.

— А разве нет?

— Мы просто по-разному смотрим на личные границы.

— В близких отношениях не должно быть границ.

Он сказал это уверенно, как очевидную истину.

Дарья покачала головой.

— Должны.

— Зачем?

— Чтобы два человека оставались двумя людьми.

— А семья тогда где?

— Между ними. Не вместо них.

Роман посмотрел на неё с непонятым выражением.

— Ты всё ещё живёшь так, будто должна быть готова в любой момент остаться одна.

— Возможно, потому что уже оставалась.

— Я не Илья.

— Ты часто это повторяешь.

— Потому что ты продолжаешь ждать от меня его поступков.

— Я пытаюсь не повторить собственные ошибки.

— А я расплачиваюсь за чужие.

Его слова попали точно в больное место.

Дарья вспомнила, как проверяла первое сообщение Романа, как боялась согласиться на поездку, как пыталась найти скрытый смысл в его заботе. Он действительно не был обязан доказывать, что лучше человека, которого почти не знал.

— Прости, — сказала она.

— За что?

— За то, что иногда не доверяю без причины.

Роман сделал шаг к ней.

— Мне не нужно извинение.

— А что нужно?

— Чтобы ты поняла: я рядом. Я не собираюсь исчезать из-за одного спора или чужого мнения.

Он обнял её.

Дарья прижалась к его груди. Напряжение начало отступать.

— Я никогда не оставлю своего ребёнка, — тихо сказал Роман. — И женщину, с которой живу, тоже не оставлю.

— У нас пока нет общего ребёнка.

— Пока.

Дарья отстранилась и посмотрела на него.

— Это предложение?

— Это план.

— Твой?

— Надеюсь, наш.

Он улыбнулся.

Она тоже.

В тот момент слово «никогда» не показалось ей опасным. Оно звучало как обещание, которого она ждала слишком долго.

Роман остался.

Утром он приготовил завтрак, починил расшатавшуюся дверцу кухонного шкафа и отвёз Дарью к матери за Кириллом. По дороге они больше не возвращались к разговору о Софье.

В следующие недели он постепенно вошёл в их повседневность.

Если Дарья задерживалась, Роман встречал Кирилла. Если ломалась машина, находил мастера. Если заканчивались продукты, привозил пакеты. Если Кирилл заболел, искал

круглосуточную аптеку и первым приезжал с лекарствами.

Он не спрашивал, нужна ли помощь.

Он видел проблему и решал её.

Однажды Дарья вернулась с работы и обнаружила на кухне новый кран.

— Ты его поменял?

— Старый протекал.

— Я собиралась вызвать мастера.

— Теперь не нужно.

— Хозяин квартиры мог быть против.

— Почему он должен быть против исправного крана?

— Потому что квартира его.

— Зато живёшь здесь ты.

— Роман, нельзя менять чужие вещи без разрешения.

— Старый кран лежит под раковиной. Если хозяину так дорог его металлолом, вернём обратно.

Дарья рассмеялась.

— Ты невозможный.

— Зато у тебя больше ничего не капает.

Он обнял её сзади, пока она проверяла воду.

Рядом с ним жизнь становилась легче.

И одновременно незаметно переставала принадлежать только ей.

Роман знал телефон учителя Кирилла, адрес бассейна, график работы Дарьи, марку лекарства от её головной боли. Помнил дни рождения её родителей и имя мастера, ремон-

тировавшего машину.

Когда она не отвечала сразу, писал повторно.

Если не получал ответа, звонил.

Если телефон оставался недоступным, мог связаться с Еленой или Софьей.

— Ты вчера звонил моей маме? — спросила Дарья после работы.

— Да.

— Зачем?

— Ты не отвечала.

— Я была на совещании.

— Я не знал.

— Можно было подождать.

— Сколько?

— До конца совещания.

— А когда оно должно было закончиться?

— Не знаю.

— Именно.

Они стояли возле её машины. Роман держал пакет с продуктами, которые купил по дороге.

— Что ты сказал маме?

— Спросил, не у неё ли ты.

— Она теперь думает, что что-то случилось.

— Ничего не случилось.

— Тогда зачем было звонить?

— Чтобы убедиться.

— В чём?

— Что с тобой всё нормально.

— Роман, я взрослый человек. Я могу не ответить на телефон.

— Конечно.

— Тогда не нужно обзванивать моих родственников.

— Хорошо.

Он согласился сразу.

Дарья открыла багажник.

— Ты обиделся?

— Нет.

— Опять это «нет», после которого ты замолкаешь.

— Я думаю.

— О чём?

Роман поставил пакеты в машину.

— О том, что ты воспринимаешь заботу как нарушение свободы.

— А ты воспринимаешь отсутствие ответа как происшествие.

— Потому что люди, которые мне дороги, не должны исчезать без объяснений.

— Я не исчезала. Я два часа была на работе.

— Но я не знал, где именно.

— На совещании.

— Теперь знаю.

Дарья закрыла багажник.

— Ты всегда должен знать, где я?

— Не всегда. Просто если планы меняются.

— Они не менялись.

— Ты обычно заканчиваешь раньше.

— И что?

— Ничего.

Он снова замолчал.

Дарья смотрела на него и чувствовала, как знакомое раздражение смешивается с благодарностью. В багажнике лежали продукты, которые Роман купил для неё и Кирилла. Утром он отвёз машину в сервис, а потом забрал. В выходные собирался помочь её отцу починить забор.

Он делал для неё больше, чем кто-либо прежде.

Разве справедливо было придирааться к одному звонку?

— В следующий раз я напишу, если задержусь, — сказала Дарья.

Роман поднял глаза.

— Правда?

— Да.

— Тогда проблемы нет.

Он поцеловал её в висок.

Проблемы действительно не было.

Нужно было всего лишь предупреждать.

Чуть позже к этому добавится необходимость сообщать, куда она едет. Затем — с кем. Потом — во сколько вернётся и почему задержалась.

Но в тот вечер речь шла только об одном сообщении.

Дарья села за руль. Роман закрыл её дверь и постучал по крыше машины.

— Позвони, когда доедешь.

— Ты едешь за мной.

— Всё равно.

— Зачем?

Он улыбнулся.

— Хочу убедиться, что ты не исчезла.

Дарья решила, что он шутит.

По дороге домой его машина всё время оставалась в зеркале заднего вида.

Впервые в жизни это не пугало её.

Человек, который не исчезал, казался самым правильным мужчиной на свете.

Она ещё не знала, что однажды будет смотреть в то же зеркало и бояться увидеть его машину позади.

Глава 4. Сон о закрытых воротах

Сон вернулся через три месяца после знакомства с Романом.

На этот раз он начался не с дома.

Дарья стояла посреди незнакомой дороги. Вокруг не было ни машин, ни людей, ни фонарей — только ровное серое полотно, уходившее в темноту. По обе стороны росли высокие деревья. Их ветви переплетались над головой, образуя тоннель.

Она не знала, откуда пришла и куда собиралась.

Но знала, что должна торопиться.

Где-то её ждали дети.

Дарья попыталась сделать шаг и услышала телефонный звонок.

Звук доносился не из кармана. Он раздавался сразу со всех сторон — из леса, из-под земли, из тёмного неба. Она закрыла уши, но звон становился громче.

На дороге перед ней загорелся экран телефона.

Аппарат лежал прямо на мокром асфальте.

На экране высвечивалось имя:

РОМАН

Дарья наклонилась, но не успела поднять телефон. Звонок оборвался, и сразу появилось сообщение:

«Ты где?»

Следом пришло второе:

«Почему не отвечаешь?»

Третье:

«С кем ты?»

Четвёртое:

«Я жду объяснений».

Экран погас.

Дорога исчезла.

Дарья оказалась перед высоким металлическим забором.

За ним стоял дом.

Она уже видела его в прошлом сне, но теперь различала детали: тёмную крышу, большое окно на втором этаже, крыльцо с тремя ступенями. Во дворе росла молодая яблоня. Возле стены лежал маленький красный велосипед.

Дом выглядел красивым и спокойным.

В одном окне горел тёплый свет.

В другом отражалось серое небо.

Над воротами висела камера. Её объектив медленно повернулся в сторону Дарьи.

Загорелась красная точка.

Ворота были закрыты.

Дарья стояла снаружи, но почему-то знала, что должна находиться внутри. За забором жили её дети. Там были их вещи, одежда, документы, фотографии. Там стояла детская кроватка и лежала любимая игрушка Кирилла.

Она нажала кнопку домофона.

Никто не ответил.

— Откройте! — позвала Дарья.

Тишина.

Она снова нажала кнопку.

В динамике раздался мужской голос:

— Где ты была?

Дарья отступила.

Голос принадлежал Роману.

— Открой ворота.

— Сначала ответь.

— Дети там?

— Они дома.

— Мне нужно к ним.

— Почему ты ушла?

— Я не уходила. Просто вышла.

— Куда?

— За ворота.

— Зачем?

Дарья посмотрела на дорогу. За её спиной не было ни города, ни леса — только густая белая пустота.

— Я не помню.

— Удобно.

— Роман, открой.

— Почему не предупредила?

— Я всего лишь вышла за ворота.

— Ты должна была сказать.

Фраза прозвучала точно так же, как в первом сне.
Только теперь Дарья услышала в ней не беспокойство.
Требование.

Она взялась за металлические прутья.

— Это и мой дом.

В динамике послышался короткий смешок.

— Тогда почему ты снаружи?

Дарья дёрнула ворота. Запор не поддался.

— Открой!

— Ты сама решила уйти.

— Я не уходила.

— Камера всё записала.

Объектив над воротами повернулся. Красная точка стала ярче.

За окном второго этажа появилась фигура Кирилла.

Он был старше. Стоял, прижав ладони к стеклу, и что-то говорил, но Дарья не слышала. Рядом с ним показалась маленькая девочка. Та самая, которую Дарья видела в давнем сне о доме и аресте Ильи.

Теперь девочка тоже смотрела на неё.

У неё были светлые волосы и серьёзные глаза.

Дарья закричала:

— Кирилл! Откройте дверь!

Мальчик покачал головой и показал куда-то вниз.

Возле дома появился Роман.

Дарья не видела его лица — только тёмный силуэт. Он

поднял телефон и посмотрел на экран.

Её собственный телефон снова зазвонил.

Она ответила.

— Открой ворота, — сказала Дарья.

— Ты сначала объясни, где была.

— Я не обязана отчитываться за каждый шаг.

— Если тебе нечего скрывать, почему ты не можешь ответить?

— Потому что я хочу увидеть детей.

— Дети дома. С ними всё хорошо.

— Без меня?

— Ты сама ушла.

Дарья ударила ладонью по металлу.

— Перестань повторять это!

— Ты повышаешь голос.

— Потому что ты меня не выпускаешь... не впускаешь...

Она запуталась.

Была ли она заперта снаружи или внутри?

Дарья оглянулась.

Белая пустота исчезла. За её спиной теперь стояла высокая стена. Ворота находились впереди, забор — по бокам. Она оказалась в узком пространстве между двумя оградами.

Ни пройти к дому, ни вернуться на дорогу.

— Роман, — прошептала она. — Где я?

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

В окне Кирилл открыл рот и что-то крикнул.

Дарья не услышала слов, но поняла смысл:

Не отвечай.

Камера приблизилась. Объектив стал огромным, чёрным, похожим на раскрытый глаз.

Телефон в руке завибрировал.

На экране появилось новое сообщение:

«Разговор не закончен».

Ворота начали медленно открываться.

Дарья шагнула вперёд, но за ними не оказалось двора.

Там была небольшая комната, заполненная коробками.

На полу лежали детские вещи. Куртка Кирилла. Маленькие ботинки. Плюшевый заяц, которого она никогда раньше не видела. Возле окна стояла кровать.

Дарья вошла.

Ворота за спиной закрылись.

В комнате не было Романа, но его голос продолжал звучать из телефона:

— Ты думаешь, если ушла из дома, разговор закончился?

Дарья проснулась.

Телефон звонил на тумбочке.

Она резко села и несколько секунд не понимала, где находится.

За окном было светло. По стеклу медленно стекали дождевые капли. На соседней кровати спал Кирилл, уткнувшись лицом в подушку.

Никакого большого дома.

Никакой камеры.

Никакой девочки.

Они находились в номере небольшой гостиницы за городом.

Накануне Дарья приехала сюда с Кириллом и Еленой на семейный праздник. У её двоюродной сестры была свадьба, и родственники сняли несколько номеров, чтобы не возвращаться ночью.

Роман не поехал. Сказал, что не любит большие застолья и не хочет проводить выходные среди незнакомых людей. Дарья не настаивала.

Телефон замолчал.

На экране осталось имя:

Роман

Под ним — семь пропущенных вызовов.

Первый поступил в семь сорок две.

Последний — минуту назад.

Дарья посмотрела на часы. Было восемь семнадцать.

Она легла поздно, поставила телефон на беззвучный режим и собиралась поспать хотя бы до девяти.

В мессенджере ждало несколько сообщений.

«Доброе утро».

Через пять минут:

«Ты проснулась?»

Затем:

«Как прошла свадьба?»

«Почему не отвечаешь?»

«Вы уже собираетесь домой?»

Последнее сообщение пришло две минуты назад:

«Дарья, ответь».

Она перечитала его и снова увидела ворота.

Красный огонёк.

Детей за окном.

«Ты должна была сказать».

Телефон зазвонил снова.

Дарья быстро ответила, чтобы не разбудить Кирилла.

— Алло.

— Наконец-то.

Голос Романа звучал напряжённо.

— Доброе утро.

— Где ты была?

Дарья посмотрела на сына.

— Спала.

— Два часа?

— Гораздо дольше. Мы легли почти в три.

— Почему телефон отключён?

— Он не отключён. Стоит на беззвучном.

— Я звоню тебе больше получаса.

— Вижу.

— И?

— И я спала.

На другом конце возникла пауза.

— Можно было предупредить, что выключишь звук.

Дарья закрыла глаза.

Слова почти совпали со сном.

— Я не планировала его выключать. Просто забыла включить после свадьбы.

— Я не знал, что с вами.

— Мы в гостинице. Ты знаешь адрес.

— Знать адрес и знать, что всё нормально, — разные вещи.

— Что могло случиться за полчаса?

— Всё что угодно.

— Роман, мы спали.

— Теперь я знаю.

Дарья встала и вышла в коридор, осторожно закрыв дверь номера.

Здесь пахло моющим средством и кофе. В конце коридора горел тусклый свет.

— Почему ты вообще звонишь так рано? — спросила она.

— Хотел узнать, как прошёл вечер.

— Мог подождать.

— До какого времени?

— Хотя бы до девяти.

— Ты обычно встаёшь раньше.

— Сегодня воскресенье. И мы легли ночью.

— Ты вчера пила?

— Бокал шампанского.

— Один?

Дарья открыла глаза.

— Зачем ты спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Нет. Тебе не просто интересно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты спрашиваешь так, будто проверяешь.

— Если обычный вопрос вызывает такую реакцию, возможно, есть причина.

Она молчала.

— Даша?

— Я здесь.

— Так один бокал?

— Один.

— Ясно.

— Что тебе ясно?

— Ничего. Ты сама делаешь из разговора проблему.

— Я только проснулась после семи твоих звонков.

— Потому что ты не отвечала.

— Потому что спала.

— Мы уже это выяснили.

Дарья прислонилась к стене.

Разговор двигался по кругу. Каждый её ответ Роман принимал как начало нового вопроса.

— Хорошо, — сказала она. — Со мной и Кириллом всё нормально. Мы в гостинице. После завтрака поедem домой.

— Во сколько?

— Не знаю.

— Примерно.

— После десяти.

— Кто повезёт?

— Мама.

— Она вчера пила?

— Нет.

— Уверена?

— Роман.

— Что?

— Прекрати.

— Что именно?

— Проверять каждый шаг.

В трубке стало тихо.

Дарья услышала отдалённый шум — возможно, Роман ходил по комнате или открыл окно.

— Я беспокоюсь, — сказал он наконец.

— Понимаю.

— Не похоже.

— Беспокоиться — нормально. Звонить семь раз человеку, который спит, а потом устраивать допрос — нет.

— Допрос?

— Да.

— Я спросил, как прошла свадьба, сколько ты выпила и кто повезёт ребёнка. Что из этого ненормально?

Когда Роман перечислил вопросы, они действительно прозвучали обыденно. Почти заботливо.

Дарья представила, как пересказывает этот разговор Софье.

«Он спросил, кто будет за рулём».

«Уточнил, не пила ли мама».

«Переживал, потому что я не отвечала».

Каждый отдельный вопрос можно было объяснить. Тревогу вызывало не содержание, а невозможность закончить разговор, пока Роман не соберёт все сведения.

— Ничего, — ответила Дарья. — Вопросы нормальные.

— Тогда почему ты называешь это допросом?

— Из-за тона.

— Опять мой тон.

— Да.

— Может быть, дело не в том, как я спрашиваю, а в том, как ты воспринимаешь любое проявление заботы?

Дарья вспомнила их недавний разговор возле машины.

Тогда Роман сказал почти то же самое.

— Возможно, — произнесла она.

— Я не Илья. Мне не всё равно, где ты находишься и что происходит с ребёнком.

Имя бывшего мужа заставило её напрячься.

— Не нужно использовать Илью в каждом споре.

— Я не использую. Объясняю разницу.

— Я её вижу.

— Тогда почему реагируешь так, будто контроль — это плохо?

— Потому что контроль и забота — не одно и то же.

— Я тебя контролирую?

Дарья посмотрела на закрытую дверь номера. За ней спал Кирилл. На первом этаже разговаривали родственники, звонили чашки, пахло завтраком. Она находилась в обычной гостинице, куда приехала на семейный праздник.

И всё же ей снова показалось, что она стоит в узком пространстве между двумя закрытыми воротами.

— Сейчас — да.

— Каким образом?

— Ты требуешь отчёта.

— Я ничего не требовал.

— Ты позвонил семь раз.

— Потому что не знал, что с тобой.

— Теперь знаешь.

— Знаю.

— Значит, разговор можно закончить?

Роман снова замолчал.

— Можно, — ответил он холодно.

— Хорошо. Созвонимся позже.

— Как скажешь.

Он отключился первым.

Дарья ещё несколько секунд держала телефон возле уха.

Ей стало одновременно легче и тревожнее.

Она вернулась в номер. Кирилл уже проснулся и сидел на кровати.

— Это Роман звонил?

— Да.

— Он приедет?

— Нет.

— Он сердился?

— Почему ты так решил?

— Ты говорила тихо.

— Я не хотела тебя разбудить.

Кирилл посмотрел на телефон в её руке.

— Он всегда много раз звонит.

Дарья положила аппарат на тумбочку.

— Не всегда.

— Когда ты не отвечаешь.

— Он беспокоится.

— Бабушка тоже беспокоится. Но звонит один раз.

Дарья сняла с кресла одежду сына.

— Одевайся. Скоро завтрак.

— А почему Роман не приехал на свадьбу?

— Не захотел.

— Ему не нравятся твои родственники?

— Он их почти не знает.

— Тогда откуда знает, что не нравятся?

— Кирилл, одевайся.

Мальчик понял, что разговор закончен, и натянул футбол-

ку.

За завтраком Дарья почти не участвовала в общей беседе. Родственники обсуждали свадьбу, смеялись над конкурсами и пересматривали фотографии.

На одном снимке Дарья танцевала с Кириллом. Сын стоял на её туфлях, обхватив за талию. Оба смеялись.

Она отправила фотографию Роману.

Ответа не было.

Через двадцать минут написала:

«Не сердись. Я действительно забыла включить звук».

Роман прочитал сообщение, но не ответил.

По дороге домой Дарья несколько раз проверяла телефон.

— Он не звонит? — спросила Елена, сидевшая за рулём.

— Кто?

— Роман.

— Почему ты спрашиваешь?

— Вчера он звонил мне.

Дарья повернулась к матери.

— Когда?

— Около полуночи.

— Зачем?

— Спросил, всё ли у вас хорошо.

— И что ты сказала?

— Что хорошо. Ещё уточнил, в каком мы номере.

— Ты сказала?

— Конечно. А что такого?

Дарья посмотрела в окно.

За стеклом мелькали мокрые деревья и серые поля.

— Ничего.

— Он заботливый, — продолжила Елена. — Сейчас редко встретишь мужчину, который так переживает за женщину с ребёнком.

— Да.

— Ты сама говорила, что Илье никогда не было дела, где вы и как добрались.

— Говорила.

— Вот видишь. Теперь тебе опять не нравится.

— Я не говорила, что мне не нравится.

— Но лицо такое.

Дарья ничего не ответила.

В этом и заключалась сложность.

Если мужчина не звонил — он был равнодушным.

Если звонил семь раз — заботливым.

Между этими крайностями будто не существовало обычного пространства, где один человек мог любить другого и при этом позволять ему несколько часов оставаться недо-ступным.

У дома их ждала машина Романа.

Он стоял возле подъезда, засунув руки в карманы куртки.

Дарья почувствовала облегчение.

Значит, не исчез.

Не решил наказать её молчанием.

Не прекратил отношения из-за первой серьёзной ссоры.
Он пришёл.

Роман открыл заднюю дверь машины Елены и помог Кириллу выйти.

— Как свадьба? — спросил он.

— Был торт! — ответил мальчик. — И мама танцевала.

— Я видел фотографию.

Он поздоровался с Еленой, забрал сумки и отнёс к подъезду.

В квартире вёл себя спокойно. Не возвращался к утреннему разговору, помог Кириллу разобрать вещи, поставил чайник. Дарья постепенно расслабилась.

Когда Кирилл ушёл в комнату, Роман подошёл к ней.

— Я не хотел испортить тебе утро.

— Я тоже не хотела ссориться.

— Просто испугался.

— Чего?

— Что-то случилось.

— Я была с мамой и родственниками.

— Знаю.

— Ты мог позвонить ей.

— Я звонил вчера.

Дарья посмотрела ему в глаза.

— Почему ты не сказал?

— А должен был?

— Ты звонил моей маме ночью и спрашивал номер ком-

наты.

— Хотел убедиться, что вы нормально разместились.

— Почему не спросил меня?

— Ты была на свадьбе. Не хотел отвлекать.

— Но в восемь утра позвонил семь раз.

— Потому что к этому времени ты уже должна была проснуться.

Дарья почувствовала, как возвращается раздражение.

— Кому должна?

— Это просто выражение.

— Нет, Роман. Ты всё время говоришь, что я что-то должна. Должна предупредить, должна ответить, должна проснуться.

— Хорошо. Неверно выразился.

— Я могу не отвечать несколько часов.

— Можешь.

— И ты не будешь звонить моей маме?

Он помолчал.

— Если буду знать, что ты в безопасности.

— Как ты можешь знать, если я не отвечаю?

— Предупреди заранее.

Дарья вспомнила сон.

— Перед тем как уснуть?

— Например.

— Я не всегда заранее знаю, когда усну.

— Тогда напиши, когда проснёшься.

— Но ты начнёшь звонить раньше.

— Даша, зачем мы сейчас придумываем проблему?

— Потому что она уже произошла.

— Я беспокоился. Ты не отвечала. Теперь мы разговариваем так, будто я совершил что-то ужасное.

Он говорил спокойно, и Дарья снова почувствовала себя несправедливой.

Перед ней стоял мужчина, который приехал встретить её, перенёс сумки, поговорил с ребёнком и не собирался исчезать из-за конфликта.

— Ничего ужасного, — сказала она.

— Тогда давай договоримся.

— О чём?

— Если уезжаешь или задерживаешься, просто предупреди. Я не стану лишний раз звонить.

Слово «договоримся» звучало разумно. Даже взросло.

— Хорошо.

— И если ставишь телефон на беззвучный режим, тоже напиши.

— Постараюсь.

— Не «постараюсь».

Дарья подняла голову.

— Что?

— Либо мы договариваемся, либо нет.

— Я могу забыть.

— Тогда поставь напоминание.

Она улыбнулась, решив, что он шутит.

Роман не улыбнулся.

— Ты серьёзно?

— Это займёт минуту.

— Я не стану ставить напоминание, чтобы сообщать тебе о беззвучном режиме.

— Почему?

— Потому что это ненормально.

— Ненормально хотеть знать, что с близким человеком всё хорошо?

— Мы опять ходим по кругу.

— Потому что ты не отвечаешь на вопрос.

— Отвечаю. Я буду предупреждать, если задерживаюсь или меняю планы. Но не стану отчитываться о каждом режиме телефона.

— Никто не говорит об отчёте.

— Именно так это и выглядит.

— Для тебя.

— Да. Для меня.

Роман долго смотрел на неё. Потом кивнул.

— Хорошо. Я услышал.

Дарья знала, что он не согласился. Просто отложил разговор.

Но через несколько минут они уже пили чай. Роман рассказывал Кириллу о новой выставке, а потом помог ему доделать школьное задание.

Вечером он уехал.

Дарья уложила сына и вернулась на кухню. Телефон лежал на столе. На экране появилось сообщение:

«Доехал».

Следом:

«Я не хочу тебя контролировать».

Она ждала продолжения.

«Просто после знакомства с тобой понял, что мне есть кого бояться потерять».

Дарья перечитала слова несколько раз.

В них не было требования.

Только страх.

Страх потерять её.

Она вспомнила пустые вечера первого брака, когда не знала, где находится Илья и вернётся ли вообще. Тогда ей казалось, что хуже равнодушия ничего нет.

Роман не был равнодушным.

Он боялся за неё.

Она написала:

«Я понимаю. Просто мне нужно личное пространство».

Ответ пришёл быстро:

«Пространство будет. Главное, чтобы в нём не было тайн».

Дарья долго смотрела на последнюю фразу.

Затем отложила телефон и подошла к окну.

Во дворе горел единственный фонарь. За его светом на-

чиналась темнота, в которой не было ни высокого забора, ни камер, ни закрытых ворот.

Всего лишь сон.

Дарья повторила это несколько раз.

Всего лишь тревога.

Всего лишь совпадение.

Всего лишь мужчина, которому не всё равно.

Она ещё не знала, что самые прочные ворота не всегда запирают ключом.

Иногда их строят из маленьких договорённостей, каждая из которых по отдельности кажется проявлением любви.

Глава 5. Первый бокал

До того вечера Дарья видела Романа выпивающим только однажды.

Они ужинали в ресторане, и он заказал бокал красного вина. Пил медленно, почти не обращая на него внимания. Не стал заказывать второй, хотя официант предложил повторить.

Дарья тогда заметила это и внутренне поставила ещё одну галочку в длинном списке его достоинств.

Умеет остановиться.

Она слишком хорошо знала людей, которые не умели.

Зависимость Ильи была связана не с алкоголем, а со ставками и ночным светом монитора. Но механизм ей уже был знаком. Обещание «только один раз». Уверенность «я всё контролирую». Раздражение в ответ на простой вопрос. Попытка сделать виноватым человека, который заметил очевидное.

Роман был другим.

По крайней мере, Дарья так считала до дня рождения его матери.

— Поедем ненадолго, — сказал он. — Посидим два часа и вернёмся.

— Ты уверен? Обычно семейные праздники двумя часами не заканчиваются.

— У нас заканчиваются.

— Почему?

— Потому что я так решил.

Дарья улыбнулась.

— А остальные знают?

— Им необязательно.

Он приехал за ними к четырём. Был в светлой рубашке, тёмных брюках и новом пальто. Для матери купил большой букет белых роз и дорогой кухонный комбайн.

Дарья выбрала шёлковый платок. Кирилл сделал открытку своими руками.

— Красиво, — сказал Роман, рассматривая детский рисунок.

На лицевой стороне Кирилл изобразил женщину возле торта и подписал: «Бабушке Романа».

— Только глаза разного размера, — добавил он.

Кирилл сразу нахмурился.

— Так получилось.

— Нужно было сначала наметить карандашом.

Дарья забрала открытку из рук Романа.

— Она прекрасная.

— Я не сказал, что плохая. Просто объяснил, как можно было сделать лучше.

— Уже поздно переделывать.

— Я не предлагаю переделывать.

Кирилл молча застегнул куртку.

В машине он почти не разговаривал.

Дом родителей Романа находился на другом конце города. Небольшой, кирпичный, с застеклённой верандой и аккуратно расчищенной дорожкой. У ворот стояло несколько машин.

— Мы последние? — спросила Дарья.

Роман посмотрел на часы.

— Нет. Мы вовремя.

— Я не об этом.

— А о чём?

— Все уже приехали.

— Значит, они приехали раньше.

Он взял подарки и первым направился к дому.

В прихожей их встретила мать Романа — невысокая женщина с тщательно уложенными волосами. Она обняла сына, затем Дарью и долго рассматривала Кирилла.

— Какой большой мальчик. Ты меня помнишь?

Кирилл покачал головой. Они виделись всего один раз.

— Ничего, привыкнешь. Проходи, там дети.

За столом собрались родственники Романа: сестра с мужем, двоюродный брат, пожилая тётя, несколько друзей семьи. Говорили громко и одновременно. Из кухни доносился запах запечённого мяса, специй и пирогов.

Дарья сначала чувствовала себя чужой. Роман представлял её коротко:

— Это Дарья. Это Кирилл.

Никто не уточнял, кем она ему приходится, но взгляды говорили, что все уже знали об их отношениях.

Кирилл быстро нашёл племянницу Романа и ушёл с детьми в соседнюю комнату.

Дарья села рядом с Романом.

На столе стояли бутылки вина, коньяка и водки. Мать Романа наполнила бокалы.

— За именинницу! — объявил кто-то.

Роман налил себе коньяк.

Дарья посмотрела на его бокал.

— Ты за рулём.

— Мы ненадолго.

— Поэтому и говорю.

— Один бокал.

Он произнёс это спокойно.

Дарья кивнула.

Один бокал ничего не значил.

Все поднялись. Произнесли тост, поздравили мать Романа. Он выпил коньяк одним глотком и сразу закусил.

Через несколько минут двоюродный брат потянулся к бутылке.

— Ром, ещё?

— Немного.

Дарья повернулась.

Роман не посмотрел на неё. Подставил бокал и продолжил разговор с отцом.

Она решила ничего не говорить при родственниках.

Вторую порцию он пил медленнее.

Разговор за столом шёл о ремонте дороги возле дома.

Отец Романа жаловался, что рабочие оставили яму у поворота. Двоюродный брат утверждал, что нужно писать коллективную жалобу.

— Бесполезно, — сказал муж сестры. — Пока кто-нибудь машину не разобьёт, никто не пошевелится.

— Потому что вы только разговариваете, — заметил Роман.

— А ты что предлагаешь?

— Я бы давно составил обращение.

— Так составь.

— Мне больше всех нужно?

— Но ты же знаешь, как правильно.

В голосе мужчины прозвучала лёгкая насмешка.

Роман поставил бокал.

— Если я составлю, вы хотя бы подпишете?

— Подпишем.

— В прошлый раз тоже обещали.

— Какой прошлый раз?

— Когда уличное освещение отключили.

— Ром, день рождения всё-таки, — вмешалась сестра.

— А что? Мы разговариваем.

— Ты начинаешь заводиться.

— Я абсолютно спокоен.

Дарья посмотрела на него.

Внешне Роман почти не изменился. Только голос стал чуть громче, движения — резче. Он больше не слушал ответы, а ждал паузы, чтобы продолжить.

Мать поставила перед ним тарелку.

— Поешь.

— Я ем.

— Ты почти ничего не съел.

— Мам, я сам разберусь.

Она отступила.

Разговор сменился. Кто-то начал обсуждать цены на машины. Двоюродный брат рассказал, что собирается продать старый автомобиль и купить новый в кредит.

— Глупость, — сразу сказал Роман.

— Почему?

— Ты ещё прошлый кредит не закрыл.

— Откуда знаешь?

— Сам рассказывал.

— Уже почти закрыл.

— «Почти» не означает «закрыл».

— Посмотрим.

— Что посмотрим? Ты не умеешь считать деньги.

За столом стало тише.

Двоюродный брат усмехнулся:

— А ты у нас главный специалист?

— По крайней мере, я не живу в долг.

Дарья почувствовала, как напряглись её плечи.

Она знала, что у Романа нет крупных кредитов. Он гордился финансовой дисциплиной и не понимал людей, способных тратить больше, чем зарабатывают.

После Ильи эта черта казалась Дарье особенно ценной.

Но сейчас Роман говорил не как человек, желающий предостеречь родственника. Он словно пытался поставить его на место.

— Ром, хватит, — сказала сестра.

— Что хватит?

— Учить всех жить.

— Я его учу?

— Да.

— Он сам поднял тему.

— Он сказал, что хочет поменять машину.

— И я высказал мнение.

Двоюродный брат налил себе коньяк.

— Твоё мнение всегда единственно правильное.

— Если тебе нечего ответить по существу, можешь не переходить на личности.

— Вот именно об этом я и говорю.

Несколько человек засмеялись.

Роман не улыбнулся.

Дарья положила ладонь ему на руку.

— Давай выйдем на минуту.

— Зачем?

— Хочу показать тебе кое-что.

— Что?

— Выйдем — покажу.

Он посмотрел на её руку.

— Если хочешь поговорить о бокале, говори здесь.

За столом снова стало тихо.

Дарья почувствовала, как краснеет.

— Я хотела поговорить наедине.

— У нас нет тайн от семьи.

Мать Романа поспешно поднялась.

— Я принесу горячее.

— Мам, сиди. Даша что-то хочет сказать.

Все смотрели на неё.

— Ничего срочного, — ответила Дарья. — Потом.

— Нет, почему? Ты уже начала.

Она убрала руку.

— Ты за рулём.

— Я выпил два бокала.

— Именно.

— Мы не сейчас поедем.

— Ты говорил, что ненадолго.

— Планы изменились.

— Тогда я вызову такси.

— Зачем?

— Чтобы мы могли уехать, когда соберёмся.

— Я отвезу.

— После коньяка?

— Через несколько часов.

— Роман, ты уже выпил.

— И что?

Он говорил громче. За соседним столом дети на мгновение притихли, затем снова зашумели.

— Ничего, — сказала Дарья. — Просто не садись за руль.

— Я сам решу.

— Нет. Если в машине будут дети, не сам.

Роман откинулся на спинку стула.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Ты решила устроить мне проверку перед всей семьёй.

— Я просила выйти.

— Чтобы прочитать лекцию без свидетелей?

Муж сестры кашлянул и отвёл взгляд. Мать Романа вернулась из кухни, хотя за горячим так и не сходила.

— Давайте не будем ссориться, — сказала она.

— Никто не ссорится, — отрезал Роман.

Дарья увидела, как его мать сразу замолчала.

Это движение — короткое, привычное — насторожило сильнее самого спора.

— Я вызову такси, — повторила Дарья.

— Делай что хочешь.

Она достала телефон.

Роман следил за каждым её движением.

— Только потом не говори, что я тебя выгнал с праздника.

— Я такого не говорила.

— Но подашь именно так. Особенно Софье.

— При чём здесь Софья?

— Ты же обсуждаешь с ней наши отношения.

— Роман, прекрати.

— Что прекратить? Называть вещи своими именами?

Дарья встала из-за стола.

— Я пойду к Кириллу.

— Сядь.

Слово прозвучало негромко, но в нём было столько привычного приказа, что Дарья на мгновение действительно остановилась.

Затем выпрямилась.

— Не разговаривай со мной так.

— Как?

— Как с ребёнком.

— А ты не веди себя как ребёнок.

Дарья вышла.

В детской комнате Кирилл сидел на полу и строил дорогу. Рядом играли ещё трое детей. Он поднял голову, едва мать появилась в дверях.

— Мы уезжаем?

— Скоро.

— Роман сердится?

— Почему ты спрашиваешь?

— Слышно.

Дарья подошла к окну и вызвала такси.

До приезда оставалось двенадцать минут.

— Собирай игрушки.

Кирилл молча сложил машинки в коробку. Он не спросил, почему они уезжают раньше.

Через несколько минут в комнате появился Роман.

— Даша, выйди.

— Я занята.

— Нам нужно поговорить.

— Не при детях.

— Поэтому и прошу выйти.

Она посмотрела на Кирилла.

— Я сейчас вернусь.

В коридоре Роман закрыл дверь.

— Ты довольна?

— Чем?

— Показала всем, что мне нельзя доверять.

— Я сказала, что ты не должен садиться за руль после алкоголя.

— Я и не собирался.

— Тогда зачем спорил?

— Потому что не позволю указывать мне перед родственниками.

— Я предложила выйти.

— Но сначала демонстративно положила руку и сказала

о бокале.

— Роман, ты выпил больше, чем собирался. Это факт.

— Два бокала за несколько часов.

— Прошёл час.

— Я не пьян.

Дарья посмотрела ему в глаза. Они блестели сильнее обычного. Лицо немного покраснело.

— Ты изменился.

— В каком смысле?

— Говоришь громче. Цепляешься к людям. Не слышишь, что тебе отвечают.

— То есть теперь ты будешь определять моё состояние?

— Я говорю, что вижу.

— Ты видишь то, что хочешь.

— Зачем мне хотеть видеть тебя таким?

Он сделал шаг ближе.

— Потому что тебе нужен повод держать дистанцию.

— Какую дистанцию?

— Ты боишься нормальных отношений. Поэтому ищешь во мне недостатки.

Дарья растерялась.

— Мы сейчас говорим об алкоголе.

— Нет. Ты говоришь о том, что не можешь мне доверять.

— Я не хочу, чтобы ты вёз ребёнка после коньяка.

— Не прикрывайся Кириллом.

— Я не прикрываюсь.

— Он не мой ребёнок. Я вообще не обязан его возить.

Слова повисли между ними.

Роман тоже понял, что сказал.

Дарья отступила.

— Хорошо.

— Я не это имел в виду.

— Но сказал именно это.

— Потому что ты довела разговор до абсурда.

— Я тебя довела?

— Даша, не начинай.

— Я ещё ничего не начала.

— Тогда не вырывай одну фразу.

— Она не требует контекста.

Из комнаты выглянул Кирилл.

— Мам, машина приехала.

Дарья обернулась.

— Одевайся.

Роман схватил её за локоть, но почти сразу отпустил.

— Подожди.

— Не трогай меня.

— Я просто хочу договорить.

— Мы поговорим завтра.

— Конечно. Ты сейчас уедешь, расскажешь всё Софье, она объяснит, какой я ужасный, а потом ты решишь закончить отношения.

— Я не собираюсь ничего решать сегодня.

— Тогда останься.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты пьян.

— Я не пьян!

Последнее слово прозвучало так громко, что в гостиной снова замолчали.

Дарья открыла дверь детской.

— Кирилл, пойдём.

Мальчик вышел уже в куртке, прижимая к груди синюю машинку.

Мать Романа появилась в прихожей.

— Может, не будете торопиться? Сейчас все успокоятся.

— Такси ждёт.

— Рома не хотел тебя обидеть.

— Я знаю.

— Он просто переживает.

— Мам, не вмешивайся, — сказал Роман.

Женщина сразу отошла.

Дарья помогла Кириллу застегнуть куртку. Руки дрожали.

— Я завтра приеду, — произнёс Роман.

Она не ответила.

— Ты услышала?

Дарья подняла голову.

— Не приезжай без звонка.

— Почему?

— Потому что я могу быть не дома.

— Где?

Она почти рассмеялась.

Даже сейчас ему требовалось знать.

— Я позвоню завтра.

Роман смотрел на неё так, будто она совершала предательство.

— Вот так просто уйдёшь?

— Я не уйду от тебя. Я уезжаю с праздника.

— Разницы нет.

Дарья взяла Кирилла за руку и вышла.

В такси мальчик молчал.

Они проехали несколько улиц, прежде чем он спросил:

— Роман теперь не придёт?

— Не знаю.

— Он сказал, что я не его ребёнок.

Дарья почувствовала боль, острую и почти физическую.

— Ты слышал?

Кирилл кивнул.

— Он прав?

— В каком смысле?

— Он не обязан меня возить?

Дарья притянула сына к себе.

— Никто не обязан тебя куда-то возить. Но если взрослый сам предложил, он отвечает за своё обещание.

— А папа тоже отвечал?

Она поняла, о каком отце он говорит.

— Должен был.

— Но не ответил.

— Нет.

Кирилл прижался к её плечу.

— Роман тоже не ответит?

Дарья посмотрела в окно.

Городские огни растягивались на мокром стекле длинными полосами.

— Я не знаю, — честно сказала она.

Они приехали домой.

Дарья уложила Кирилла, сняла платье и долго стояла под душем. В голове снова и снова звучала фраза Романа:

«Он не мой ребёнок».

В ней не было ничего фактически неверного. Кирилл действительно не был его сыном. Роман не обязан был заботиться о нём.

Но до этого вечера он сам стремился занять место рядом с мальчиком. Покупал подарки, отвозил на занятия, спрашивал, почему Дарья не позволяет ему участвовать в воспитании.

Один бокал не мог изменить отношение к ребёнку.

Второй тоже.

Значит, алкоголь не создал эти слова. Только открыл дверь, за которой они уже находились.

Телефон оставался без звука.

На экране появлялись сообщения.

«Ты доехала?»

«Ответь хотя бы про Кирилла».

«Я не собирался садиться за руль».

«Ты неправильно всё поняла».

«Нам нужно поговорить сегодня».

Затем Роман начал звонить.

Дарья не ответила.

После шестого вызова выключила телефон.

Ночью ей почти не удалось уснуть. Она прислушивалась к машинам во дворе, ожидая, что Роман всё-таки приедет. Но никто не поднялся по лестнице и не позвонил в дверь.

Утром телефон включился с десятками уведомлений.

Последнее сообщение было отправлено около четырёх:

«Я всё равно не понимаю, почему ты так со мной поступила».

Дарья перечитала его и впервые подумала, что Софья могла оказаться права.

Она знала, как Илья врал после ставок. Знала его интонации, последовательность обещаний и способы вызвать жалость.

Но Роман не оправдывался привычно.

Он не говорил, что больше никогда не выпьет. Не признавал, что потерял контроль. Не просил простить.

В его версии ничего серьёзного не произошло.

Произошло только одно: Дарья неправильно отреагировала.

ла.

Около десяти утра раздался звонок в дверь.

Кирилл побежал в прихожую.

— Не открывай! — сказала Дарья.

Он остановился.

Звонок повторился.

Дарья подошла к двери и посмотрела в глазок.

На площадке стоял Роман.

В одной руке держал большой букет белых роз. В другой — пакет с новым конструктором.

Дарья открыла, но не сняла цепочку.

— Я просила не приезжать без звонка.

— Я звонил.

— Это не одно и то же.

— Впусти меня. Нужно поговорить.

— Кирилл дома.

— Я знаю. Я и с ним хочу поговорить.

Дарья посмотрела на цветы.

— Зачем букет?

— Потому что люблю тебя.

Он впервые произнёс это вслух.

Не в романтической обстановке. Не во время прогулки. Не тогда, когда между ними всё было хорошо.

Любовь появилась на лестничной площадке после ночи, которую Дарья провела без сна.

— А конструктор? — спросила она.

— Кириллу.

— Зачем?

— Я сказал лишнее.

— Ты извинишься?

— Конечно.

— Без объяснений, что я тебя спровоцировала?

Роман сжал губы.

— Я не говорил, что ты меня спровоцировала.

— Говорил, что я довела разговор до абсурда.

— Даша, мы будем разбирать каждое слово или попробуем сохранить отношения?

Выбор снова оказался сформулирован так, будто одно исключало другое.

Либо она продолжает задавать вопросы.

Либо сохраняет отношения.

Дарья посмотрела на него через узкую щель.

— Ты был пьян?

— Нет.

— Значит, помнишь всё?

— Почти.

— Тогда почему утверждаешь, что я неправильно поняла?

— Потому что знаю, что хотел сказать.

— А я знаю, что слышала.

Роман опустил цветы.

— Хорошо. Я был неправ. Так тебе легче?

— Мне не должно становиться легче от твоего поражения.

— Тогда чего ты хочешь?

Дарья задумалась.

— Чтобы ты понял: после алкоголя ты меняешься.

— Все немного меняются.

— Ты становишься жёстким.

— Я не сделал тебе ничего плохого.

— Ты унижал родственников, приказал мне сесть, сказал о Кирилле...

— Я извинился.

— Ещё нет.

Роман закрыл глаза, глубоко вдохнул.

— Прости.

— За что?

— За то, что обидел.

— Чем?

Он открыл глаза.

— Ты хочешь дословно?

— Да.

— Прости, что сказал, будто не обязан возить Кирилла. Я не должен был этого говорить.

— Хорошо.

— Теперьпустишь?

Дарья сняла цепочку.

Роман вошёл и сразу обнял её. Букет прижался к плечу, холодные лепестки коснулись щеки.

— Я люблю тебя, — повторил он. — Поэтому так отре-

агировал. Мне показалось, что ты решила выставить меня плохим перед семьёй.

— Я хотела, чтобы ты не садился за руль.

— Я бы не сел.

— Но ты этого не сказал.

— Говорю сейчас.

Он отстранился.

— Поверь, я прекрасно себя контролирую.

Кирилл стоял в коридоре.

Роман заметил его.

— Иди сюда.

Мальчик не двинулся.

Тогда Роман сам подошёл и присел перед ним.

— Я вчера сказал глупость.

Кирилл посмотрел на мать.

— Какую?

— Что не обязан тебя возить.

— Вы не обязаны.

— Не обязан. Но хочу. Это важнее.

Он протянул Кириллу пакет.

— Мир?

Мальчик взял подарок.

— А там что?

— Открой.

Внутри оказался большой радиоуправляемый автомобиль, который нужно было собрать самостоятельно.

Кирилл сразу оживился.

— Настоящий?

— Почти. Если соберём правильно, будет ездить.

Дарья услышала последнее слово, но ничего не сказала.

Через полчаса Роман и Кирилл уже сидели на полу среди деталей. Он был терпелив, спокойно объяснял инструкции и позволял мальчику самому закручивать винты.

Обычный Роман вернулся.

Тот самый мужчина, который помнил расписание, решал проблемы и всегда появлялся вовремя.

Дарья поставила белые розы в вазу.

Они были красивыми и пахли так сильно, что аромат заполнил всю кухню.

Она сказала себе, что у каждого человека бывают плохие вечера. Что два бокала не делают Романа зависимым. Что он вырос в семье, где мужчины говорят жёстко, и, возможно, просто не умеет иначе вести себя во время спора.

Главное — он пришёл.

Признал ошибку.

Извинился перед ребёнком.

Сделал выводы.

Вечером, собираясь домой, Роман обнял Дарью.

— Давай больше не будем выносить наши разногласия на публику.

— Я не выносила.

— Я на будущее.

— Хорошо.

— И если тебя что-то не устраивает, скажи мне наедине.

— Я именно это и предлагала.

— Значит, договорились.

Он поцеловал её.

— Я почти не пью. Ты же видишь.

Дарья видела.

Первый бокал был обычным.

Второй — случайным.

Всё, что произошло потом, Роман объяснил любовью, недоразумением и её неправильной реакцией.

Причин для тревоги словно не осталось.

Только белые розы простояли необычно долго.

Каждый раз, меняя воду, Дарья вспоминала не признание в любви, а то, как легко голос заботливого мужчины превратился в приказ:

— Сядь.

Позднее она поймёт: первым предупреждением был не алкоголь.

Первым предупреждением стало то, что утром после случившегося Роман сожалел о её обиде, но не сомневался в собственном праве так себя вести.

Глава 6. Предложение без вопроса

После дня рождения матери Роман почти месяц не пил.

Он не объявлял об этом решении и не требовал похвалы. На семейных встречах наливал себе минеральную воду, в кафе заказывал кофе. Когда двоюродный брат предложил пиво, Роман спокойно отказался.

— За рулём.

Дарья заметила, но не стала возвращаться к той ссоре.

Ей хотелось верить, что разговор действительно помог. Роман услышал её, сделал вывод и изменил поведение. Разве не так выглядят нормальные отношения?

Люди ошибаются.

Ссорятся.

Произносят лишнее.

Главное — способность остановиться.

В течение этих недель Роман был особенно внимателен. Встречал Дарью после работы, отвозил Кирилла на занятия, привозил продукты. Однажды приехал утром только потому, что услышал в её голосе усталость.

— У тебя температура? — спросил он по телефону.

— Нет.

— Голос странный.

— Я не выпалась.

— Почему?

— Кирилл кашлял ночью.

Через сорок минут Роман стоял возле двери с лекарствами, мёдом и новым градусником.

Дарья не просила.

Он просто приехал.

Пока она собиралась на работу, Роман приготовил Кириллу завтрак, проверил температуру и позвонил в детскую поликлинику.

— Я могла сама, — сказала Дарья.

— Могла.

— Тогда зачем ты всё сделал?

— Чтобы тебе не пришлось.

Эта фраза обезоруживала.

Роман не требовал признания своей незаменимости. Он будто действительно считал естественным взять часть её забот на себя.

Дарья всё чаще ловила себя на мысли, что перестала ждать подвоха.

Когда он говорил, что приедет, она ставила на стол третью тарелку.

Если обещал забрать Кирилла, не готовила запасной вариант.

Если предлагал помощь, не пыталась сначала отказаться из вежливости.

Рядом с ним можно было не только выживать.

Можно было строить планы.

В воскресенье Роман позвонил около девяти утра.

— Собирайтесь.

Дарья ещё лежала в кровати. Кирилл устроился рядом и смотрел мультфильм без звука.

— Куда?

— Покажу кое-что.

— Что именно?

— Увидишь.

— Роман, я не люблю сюрпризы, для которых нужно срочно собираться.

— Это хороший сюрприз.

— Все так говорят перед плохими.

— Через час буду.

— Подожди. Как одеваться?

— Обычно. Мы не в театр.

— Надолго?

— Посмотрим.

— Кирилла брать?

— Конечно.

Он отключился.

Дарья посмотрела на экран.

— Мы куда-то едем? — спросил Кирилл.

— Похоже на то.

— Куда?

— Не знаю.

— А зачем согласилась?

Хороший вопрос.

— Потому что иногда людям можно доверять.

Кирилл выключил планшет.

— А если там скучно?

— Тогда вернёмся.

— Роман разрешит?

Дарья повернулась к сыну.

— В каком смысле?

— Ну, если он придумал сюрприз, а мы захотим домой.

— Мы не должны получать разрешение, чтобы вернуться.

— Я знаю.

Но сказал он это без уверенности.

Дарья хотела уточнить, почему Кирилл задал такой вопрос, однако в этот момент снова позвонил Роман.

— И ещё, — сказал он. — Возьми тёплые носки для Кирилла. Там прохладно.

— Где?

— Скоро увидишь.

Через час они ехали за город.

Роман не назвал адрес. Уверял, что осталось недолго. Машина свернула с шоссе на узкую дорогу, по обе стороны которой тянулись поля и невысокие дома.

Дарья смотрела в окно.

Место казалось знакомым.

Не конкретные улицы или повороты. Скорее общее ощущение: серое небо, редкие деревья, линия забора впереди.

— Мы раньше здесь были? — спросила она.

— Ты — вряд ли.

— Тогда почему мне знакомо?

— Может, проезжала.

Кирилл с заднего сиденья перечислял машины, которые их обгоняли. Он считал только красные, поэтому сбивался и начинал заново.

Роман свернул на дорогу, ведущую к небольшому посёлку.

В конце улицы стоял высокий металлический забор.

Дарья почувствовала, как напряглись пальцы.

Над воротами висела камера.

Красная точка не горела — вероятно, система была выключена. Но сам объектив смотрел прямо на машину.

— Куда мы приехали? — спросила она.

Роман улыбнулся.

— Почти приехали.

Он нажал кнопку на пульте. Ворота начали медленно открываться.

Дарья перестала слышать голос Кирилла.

Во сне всё выглядело немного иначе. Забор был выше, дом — темнее, а за воротами росла яблоня. Но движение створок, камера над въездом и три ступени крыльца совпадали почти точно.

— Мам, смотри какой дом!

Кирилл отстегнулся и подался вперёд.

— Сядь нормально, — сразу сказал Роман.

Мальчик вернулся на место.

Машина въехала во двор.

Дом был двухэтажным, сложенным из светлого кирпича.

Рядом стоял гараж, за ним виднелся небольшой сад. Ремонт ещё не закончился: возле стены лежали доски, под навесом стояли мешки со строительной смесью.

Окна отражали небо.

Одно окно на втором этаже было открыто.

Ветер шевелил белую плёнку, которой строители закрыли раму.

Дарья смотрела на дом и чувствовала, что снова оказалась внутри сна.

— Ну? — спросил Роман.

— Что?

— Нравится?

— Чей он?

Роман заглушил двигатель.

— Мой.

— Твой?

— Формально пока часть принадлежит родителям. Но мы переоформляем документы.

— Почему ты раньше не говорил?

— Хотел сначала довести до нормального состояния.

— Ты строил его?

— Отец начал. Потом остановились. Последний год зани-

маюсь ремонтом сам.

Кирилл уже пытался открыть дверь.

— Подожди, — сказала Дарья.

— Мам, можно посмотреть?

— Сейчас все пойдём.

Роман вышел из машины и достал из багажника ключи.

— Добро пожаловать.

В прихожей пахло деревом, штукатуркой и холодом. На полу ещё не было покрытия, стены частично оставались необработанными. Но даже незавершённый дом казался огромным после съёмной квартиры Дарьи.

Кирилл побежал по коридору.

— Здесь лестница!

— Не бегай, — сказал Роман. — Перила ещё не закреплены.

Мальчик сразу остановился.

Роман включил свет.

— На первом этаже будет кухня-гостиная. Там кабинет. Здесь санузел. Комнату возле сада можно использовать как гостевую.

Он говорил быстро и уверенно, переходя от одного помещения к другому. Не рассказывал о возможностях — описывал уже принятое устройство.

Кухонный гарнитур будет светлым.

Стол — большим, чтобы помещалась вся семья.

Телевизор — только в гостиной, потому что в спальнях

люди должны отдыхать.

Обувь останется в прихожей.

В кабинете детям нельзя находиться без разрешения.

— Почему? — спросил Кирилл.

— Потому что там документы и техника.

— А если мне понадобится бумага?

— Попросишь.

— А если вас нет?

— Возьмёшь в другом месте.

Кирилл заглянул в пустую комнату.

— Там пока ничего нет.

— Поэтому и говорю заранее.

Дарья провела рукой по стене.

— У тебя уже всё распланировано.

— Иначе ремонт никогда не закончится.

— Ты сам выбирал проект?

— Конечно.

— А если женщине, которая здесь будет жить, не понравится светлая кухня?

Роман посмотрел на неё.

— Тебе не нравится?

— Я не знаю. Её ещё нет.

— Светлая увеличивает пространство.

— Пространства здесь и так достаточно.

— Значит, тем более нет проблемы.

Он пошёл к лестнице.

— Наверху интереснее.

Перила действительно шатались. Роман первым поднялся, проверяя каждую ступеньку, затем протянул Дарье руку.

— Осторожно.

Она вложила ладонь в его.

На втором этаже располагались четыре комнаты.

Роман открыл первую.

— Спальня.

Окна выходили в сад. Возле стены уже стоял большой шкаф, накрытый плёнкой.

— Наша? — спросила Дарья раньше, чем успела подумать.

— А чья ещё?

Он улыбнулся.

Слово «наша» наполнило пустую комнату будущей жизнью. Дарья представила кровать, шторы, вещи в шкафу. Представила, как утром открывает окно и видит не соседний подъезд, а сад.

Роман повёл их дальше.

— Здесь детская.

— Моя? — спросил Кирилл.

— Твоя.

Комната была небольшой, но светлой. Под окном находилась широкая ниша, куда можно было поставить письменный стол.

— А стену можно синюю? — спросил мальчик.

— Почему синюю?

— Мне нравится.

— Тёмный цвет уменьшит комнату.

— Тогда голубую.

— Посмотрим.

Кирилл воспринял это как согласие и побежал к окну.

— А там что? — Он показал на следующую дверь.

Роман открыл.

— Ещё одна детская.

Комната была почти такой же, но немного больше. На стене лежали образцы светлых обоев с маленькими звёздами.

Дарья почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Для кого?

Роман посмотрел на неё.

— Для нашей дочери.

Кирилл засмеялся.

— У нас нет дочери.

— Пока нет.

То же слово, которое Роман произнёс в её квартире.

Пока.

Дарья вошла в комнату.

Солнечный свет падал на голый пол. У дальней стены стояла маленькая деревянная кровать, ещё не собранная до конца.

Она коснулась бортика.

Перед глазами на мгновение возникла девочка из сна.

Светлые волосы.

Серьёзные глаза.

Игрушечный заяц на полу.

— Откуда кровать? — спросила Дарья.

— Сестра отдала. Лере уже не нужна.

— Ты заранее привёз её сюда?

— А где она должна стоять?

Он подошёл сзади и положил руки ей на плечи.

— Я хочу ребёнка, Даша.

Она смотрела на пустую кровать.

— Ты даже не спросил, хочу ли я.

— Ты говорила, что мечтаешь о дочери.

— Мечта и решение — не одно и то же.

— Я знаю.

— Не похоже.

Роман убрал руки.

— Мы просто смотрим дом.

— В котором уже есть комната для нашего ребёнка.

— Это плохо?

— Это неожиданно.

— Приятно неожиданно?

Дарья не ответила.

Кирилл появился в дверях.

— А если родится мальчик?

Роман посмотрел на него.

— Значит, будет комната мальчика.

— А если вообще никто не родится?

— Иди посмотри, что за последней дверью.

Кирилл убежал.

Дарья повернулась к Роману.

— Почему ты не ответил?

— На детский вопрос?

— Он нормальный.

— Я не люблю строить планы на поражении.

— Отсутствие ребёнка — не поражение.

— Если двое хотят общего ребёнка, отсутствие — проблема.

— Мы ещё не решили, что хотим.

Роман вздохнул.

— Ты снова боишься будущего.

— Я боюсь решений, принятых за меня.

— Я ничего за тебя не решал.

— Ты показал Кириллу его комнату. Назвал спальню нашей. Поставил кровать для дочери, которой не существует.

— Потому что предлагаю вам здесь жить.

Он произнёс это буднично.

Дарья несколько секунд молчала.

— Что?

— Переезжайте ко мне.

— Когда ты собирался это сказать?

— Сейчас и сказал.

— Я думала, ты просто показываешь дом.

— Зачем мне просто показывать?

— Не знаю. Потому что это важная часть твоей жизни.

— Я хочу, чтобы она стала частью нашей жизни.

Он взял Дарью за руки.

— Здесь всем хватит места. У Кирилла будет своя комната. Тебе больше не придётся отдавать деньги за чужую квартиру. Мы сможем нормально планировать будущее.

— Мы знакомы несколько месяцев.

— И?

— Это быстро.

— Для чего именно?

— Для совместной жизни.

— Ты сомневаешься во мне?

— Я пытаюсь думать.

— О чём?

— О Кирилле. О работе. О дороге. О том, что дом ещё не закончен. О наших отношениях.

— Ремонт закончу через пару месяцев. До твоей работы сорок минут. Кирилла буду отвозить сам.

На каждый вопрос у Романа уже был ответ.

— А если мы не уживёмся?

— Почему не должны?

— Потому что это случается.

— У людей, которые не умеют договариваться.

Дарья посмотрела на него.

— Мы не всегда умеем.

— Научимся.

— Ты говоришь так, будто решение уже принято.

— Я своё принял.

— Но переезжать мне.

— Вам с Кириллом.

— Именно.

Роман отпустил её руки.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Ты не доверяешь мне.

— Почему любой мой вопрос превращается в недоверие?

— Потому что доверие — это готовность строить общее будущее.

— Нет. Доверие — это возможность сказать, что мне нужно время, и не быть за это наказанной.

— Я тебя наказываю?

Он сказал это спокойным голосом. Но лицо стало закрытым, а взгляд — холодным.

— Ты уже обиделся.

— Я не обиделся. Просто не понимаю, чего ты ждёшь.

— Мне нужно подумать.

— Сколько?

— Не знаю.

— Неделю? Месяц? Год?

— Почему я должна назвать срок?

— Чтобы понимать, серьёзно ты рассматриваешь предло-

жение или пытаешься отложить отказ.

— Ты сделал предложение десять секунд назад.

— Я думал об этом несколько месяцев.

— А я услышала только сейчас.

Роман подошёл к окну.

Во дворе Кирилл рассматривал сложенные возле стены доски.

— Я стараюсь создать для вас нормальные условия, — сказал Роман. — Не только для тебя. Для Кирилла тоже. У него будет дом, двор, своя комната. Я готов заниматься им, отвозить, помогать. Но ты всё равно ищешь причину держать меня на расстоянии.

— Я не ищу причину.

— Тогда соглашайся.

— Вот так?

— Да или нет.

Дарья почувствовала, как внутри поднимается сопротивление.

— Нет.

Роман резко повернулся.

Она сама испугалась своего ответа.

— То есть ты отказываешься?

— Я отказываюсь принимать решение под давлением.

— Какое давление?

— «Да или нет». «Соглашайся». «Назови срок».

— Я хочу ясности.

— А я хочу времени.

— Хорошо.

Он прошёл мимо неё и открыл дверь.

— Посмотрели дом. Поехали.

— Роман.

— Что?

— Не веди себя так, будто я тебя оскорбила.

— Ты сказала «нет».

— Потому что ты заставил ответить немедленно.

— Значит, настоящий ответ и есть «нет».

— Настоящий ответ — «я не знаю».

— Когда женщина любит мужчину, она знает.

— Это неправда.

— Для тебя, возможно.

Он спустился на первый этаж.

Дарья осталась в детской.

Пустая кровать стояла у стены. Светлые обои со звёздами лежали рядом. За окном Кирилл ходил по двору, пиная мелкие камешки.

Дарья пыталась отделить тревогу от прошлого.

В первом браке она слишком быстро поверила красивым словам. Не замечала лжи, оправдывала ставки, соглашалась на чужие решения. Теперь осторожность казалась единственным способом не повторить ошибку.

Но Роман не был Ильёй.

Он не предлагал риск.

Предлагал дом.

Не просил денег.

Готов был обеспечивать семью.

Не избегал ответственности.

Сам хотел взять её на себя.

Возможно, Софья была права: Дарья всё ещё жила так, будто в любой момент должна остаться одна. Поэтому любое настоящее сближение воспринимала как угрозу.

Она спустилась.

Роман стоял возле машины. Кирилл сидел на низкой скамейке у крыльца.

— Уже едем? — спросил мальчик.

— Да, — ответил Роман.

— А можно ещё посмотреть сад?

— В следующий раз.

— Мы сюда ещё приедем?

Роман посмотрел на Дарью.

— Не знаю.

По дороге обратно он почти не разговаривал.

Кирилл несколько раз пытался обсудить свою будущую комнату, но получал короткие ответы.

— Мам, а стол можно поставить возле окна?

— Можно.

— А кровать у стены?

— Посмотрим.

— А мои машины поместятся?

— Конечно.

Роман молча вёл машину.

Дарья видела его руки на руле. Пальцы сжимали обод сильнее обычного.

— Останови возле магазина, — попросила она.

— Зачем?

— Нужно купить продукты.

— Купим завтра.

— Мне нужны сегодня.

— Какие?

— Роман, просто останови.

Он перестроился и остановил машину на парковке.

— Я подожду.

— Не нужно. Мы дойдём.

— С пакетами?

— Здесь недалеко.

— Зачем создавать себе трудности?

— Хочу пройтись.

— В такую погоду?

— Да.

Дарья вышла. Кирилл потянулся к ремню.

— Ты остаёшься, — сказал Роман.

Мальчик замер.

— Он идёт со мной, — ответила Дарья.

— Я могу довезти его домой.

— Кирилл, выходи.

Сын быстро выбрался из машины.

Роман опустил стекло.

— Когда подумаешь, позвони.

— Хорошо.

— Только не советуйся со всеми подряд.

Дарья остановилась.

— Что?

— Это решение касается нас.

— И Кирилла.

— Его мнение не может определять жизнь взрослых.

— Но его жизнь это тоже изменит.

— Я не собираюсь делать ему хуже.

— Знаю.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что я имею право подумать.

Роман поднял стекло и уехал.

В магазине Кирилл шёл рядом, не убегая к полкам с игрушками. Он молчал, пока Дарья складывала продукты в корзину.

Возле кассы спросил:

— Роман на нас сердится?

— На меня.

— Потому что мы не переезжаем?

— Мы ещё не решили.

— Я хочу.

— Почему?

— Там большая комната.

— Только поэтому?

Кирилл задумался.

— Ещё двор. И он обещал отвезить меня.

— Ты хочешь, чтобы он жил с нами?

Мальчик пожал плечами.

— Он всё равно почти всегда у нас.

Это было правдой.

— Иногда он сердится, — добавил Кирилл.

— Все сердятся.

— Но потом покупает подарки.

Дарья посмотрела на сына.

— Подарок не отменяет то, что было до него.

— Я знаю.

Но по его лицу она поняла, что не знает. Как не знала этого и она сама.

Вечером Дарья позвонила Софье.

— Роман предложил переехать к нему.

— Ты хочешь?

— Не знаю.

— Это допустимый ответ.

— Для него нет.

Она рассказала о доме, детских комнатах, кровати и разговоре.

Софья долго молчала.

— Он заранее всё решил, — сказала она.

— Он планирует.

— Нет, Даш. Планируют вместе. А он подготовил готовую жизнь и предложил тебе занять предназначенное место.

— Звучит слишком мрачно.

— Возможно. Тебе понравился дом?

— Очень.

— А то, как он сделал предложение?

— Нет.

— Тогда раздели эти вещи.

— Он хочет заботиться о нас.

— Не сомневаюсь.

— Кириллу нужна стабильность.

— Ему нужна спокойная мать.

— Я спокойна рядом с Романом.

Софья снова помолчала.

— Тогда почему звонишь мне?

Дарья посмотрела на тёмное окно.

— Потому что боюсь ошибиться.

— Ты всё равно можешь ошибиться. Никакое количество размышлений не даст гарантии.

— Очень поддерживающе.

— Зато честно. Только не соглашайся из страха потерять его.

После разговора Дарья долго не могла уснуть.

Она представляла дом.

Светлую кухню.

Сад.

Собственную спальню.

Комнату Кирилла.

Кроватку для девочки, которую уже видела во сне.

Возможно, это было не предупреждение.

Возможно, ей показали будущее, к которому она должна прийти.

На следующий день Роман не позвонил.

Не написал утром. Не спросил, как Кирилл добрался до занятий. Не приехал вечером.

Дарья повторяла себе, что он имеет право на время и обиду. Но к ночи тишина стала невыносимой.

Человек, который никогда не исчезал, отсутствовал всего один день.

Этого оказалось достаточно, чтобы она испугалась.

Дарья написала первой:

«Ты в порядке?»

Роман ответил через десять минут:

«Да».

Она ждала продолжения.

Его не было.

«Мы можем поговорить?»

«О чём?»

«О доме».

Телефон зазвонил почти сразу.

— Ты решила? — спросил Роман вместо приветствия.

Дарья сжала аппарат.

— Да.

— И?

— Я хочу попробовать.

Пауза длилась всего секунду, но Дарья успела услышать собственное сердце.

— Правда?

— Да. Только не сразу. Сначала закончим ремонт, обсудим правила, дорогу, школу Кирилла...

— Конечно. Всё обсудим.

Голос Романа снова стал тёплым.

— Я знал, что ты не испугаешься счастья.

Дарья улыбнулась.

— Я и сейчас боюсь.

— Не нужно. Я рядом.

— И ещё одно.

— Что?

— Если мы живём вместе, решения принимаем вместе.

— Разумеется.

— Не только те решения, в которых мы согласны.

— Даша, нормальные люди всегда могут договориться.

Она хотела уточнить, что произойдёт, если договориться не удастся. Но Роман уже рассказывал, когда закажет материалы, какую мебель нужно перевезти и где лучше поставить стол Кирилла.

Планы снова двигались вперёд.

Через неделю он дал Дарье ключи.

На связке висел металлический брелок в форме дома.

— Теперь он твой, — сказал Роман.

— Дом?

— Ключ.

Она рассмеялась.

— Очень точное уточнение.

— Юридически дом пока не твой. Но жить будешь как хозяйка.

Слово «юридически» прозвучало неожиданно, но Дарья не придала ему значения.

Ключ лежал на ладони, тяжёлый и настоящий.

Ей вспомнилась съёмная квартира, где нельзя было поменять кран без разрешения владельца. Вспомнились коробки, переезды, чужие стены.

Теперь у неё появлялось место, которое можно было называть своим.

Пусть не по документам.

Пусть пока только в обещании.

Дарья сжала ключ.

— Когда переезжаем? — спросила она.

Роман улыбнулся.

— Скоро.

В тот момент она не заметила разницы между «наш дом» и «мой дом, в котором ты будешь жить».

Разница проявится позднее.

В первой ссоре возле лестницы.

В первом требовании собрать вещи.

В первой фразе, произнесённой при детях:

«Если тебе здесь что-то не нравится, можешь уйти».

Но пока ворота открывались перед Дарьей автоматически.

Роман стоял рядом.

Кирилл выбирал цвет стен для своей комнаты.

В пустой детской ждала кроватка для девочки, которой ещё не существовало.

Дарья вошла в дом, который видела во сне, и не заметила, как ворота за её спиной начали закрываться.

Часть II. Дом с открытыми глазами. Глава 7. Чужие правила

Переезд занял один день.

Роман распланировал его по часам.

В восемь утра должна была приехать грузовая машина. В восемь пятнадцать — двое рабочих. К девяти коробки следовало вынести в коридор, чтобы никто не терял время. К полудню мебель уже должна была стоять в доме.

Дарья предложила позвать отца и нескольких знакомых.

— Не нужно, — ответил Роман. — Посторонние только будут мешать.

— Мой отец не посторонний.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Он начнёт советовать, как ставить мебель. Мы потеряем полдня.

— Возможно, он просто хочет помочь.

— Я уже нанял людей.

Роман произнёс это так, будто вопрос окончательно решён.

Дарья не стала спорить. Позвонила родителям и сказала, что справятся сами. Михаил немного помолчал, но ответил спокойно:

— Если понадобится, звони.

Елена была менее сдержанной:

— Хоть бы попрощаться с квартирой помогли.

— Мам, это съёмная квартира, а не родовое поместье.

— Всё равно вы здесь жили.

— Мы вечером заедем.

— Роман будет?

Дарья посмотрела на него. Он стоял возле разобранного шкафа и объяснял рабочим, в каком порядке выносить детали.

— Не знаю.

— Он теперь за тебя всё решает?

— Он организует переезд.

— Я просто спросила.

Дарья закончила разговор и положила телефон в сумку.

Роман подошёл почти сразу.

— Что сказала мама?

— Ничего.

— Ты из-за чего-то расстроилась?

— Нет.

— Я слышал, она упомянула меня.

Дарья посмотрела на него.

— Ты слушал наш разговор?

— Я стоял рядом.

— Она спросила, приедешь ли ты вечером.

— И что ты ответила?

— Что не знаю.

— Почему?

— Потому что не знаю.

— Мы же договаривались после переезда разобрать вещи.

— Я могу ненадолго заехать к родителям одна.

— Зачем?

— Увидеться.

— Вы виделись несколько дней назад.

— Роман, мне не нужна специальная причина, чтобы увидеть родителей.

— Я не запрещаю. Просто сегодня много дел.

— Тогда я поеду после них.

— Вечером будем уставшие.

— Значит, я ненадолго.

Он немного помолчал.

— Хорошо. Решай сама.

Последние слова прозвучали не как разрешение, но именно так их восприняла Дарья.

До полудня квартира опустела.

На стенах остались светлые прямоугольники от фотографий, на полу — пыльные следы мебели. Кирилл ходил из комнаты в комнату и прислушивался к эху.

— Мам, здесь теперь чужие будут жить?

— Наверное.

— А они узнают, что это была моя комната?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мы не оставили записку.

Кирилл задумался, затем достал из рюкзака карандаш.

— Я могу написать на стене.

— Даже не думай.

— Маленькими буквами.

— Кирилл.

Он спрятал карандаш.

Дарья остановилась в дверях комнаты. Именно здесь Кирилл впервые пошёл сам. Здесь болел, смеялся, строил крепости из подушек и ждал отца возле окна. Здесь Дарья училась жить после развода.

Комната была маленькой, но принадлежала им.

В новом доме у Кирилла появится больше пространства.

Собственный двор.

Настоящая семья.

— Поехали, — позвал Роман. — Грузовик уже выехал.

Он не задержался ни на минуту.

Новый дом встретил их теплом, запахом свежей краски и солнечным светом. Ремонт почти закончился. На первом этаже лежало новое покрытие, стены были окрашены, на окнах висели светлые шторы.

Кухня оказалась именно такой, как Роман обещал: белые фасады, тёмная столешница, большой деревянный стол.

Дарья вошла и невольно улыбнулась.

— Нравится? — спросил он.

— Очень.

— Я знал.

— Откуда?

— Ты говорила, что любишь светлые кухни.

Дарья не помнила.

Роман снова запомнил за неё.

Кирилл убежал наверх.

— Моя комната голубая!

Дарья поднялась следом.

Стены действительно были светло-голубыми. У окна стоял письменный стол, вдоль стены — кровать, напротив — новый шкаф.

— А где мои наклейки? — спросил Кирилл.

— Какие?

— С машинами. Я хотел приклеить возле кровати.

Роман появился в дверях.

— На окрашенные стены ничего клеить нельзя.

— Почему?

— Останутся следы.

— Но это моя комната.

— Комната твоя, стены — часть дома.

Кирилл посмотрел на Дарью.

— Можно на шкаф?

— На шкаф тоже нельзя, — ответил Роман.

— Давай купим специальную доску, — предложила она.

— И приклеим наклейки туда.

— Зачем портить интерьер?

— Доску можно снять.

— Посмотрим.

Кирилл сел на кровать.

— У меня раньше были наклейки.

— Раньше вы жили в чужой квартире, — сказал Роман.

— Здесь всё новое. Нужно беречь.

Дарья заметила, как улыбка исчезла с лица сына.

— Мы обязательно что-нибудь придумаем, — пообещала она.

Роман посмотрел на неё, но ничего не сказал.

Рабочие привезли вещи. Дом быстро заполнился коробками, пакетами и голосами. Роман руководил каждым движением.

— Этот шкаф наверх.

— Коробки с посудой на кухню.

— Детские вещи не ставьте у входа.

— Осторожнее со стеной.

Когда один из рабочих поставил тумбочку не у той стены, Роман потребовал немедленно переставить.

— Разве здесь она не удобнее? — спросила Дарья.

— Нет.

— Почему?

— Там проходит розетка.

— Мы ей не пользуемся.

— Сейчас не пользуемся. Потом понадобится.

— Если понадобится, передвинем тумбочку.

— Зачем дважды делать одну работу?

Он говорил разумно. Возражать было трудно.

К четырём часам грузовик уехал. В доме остались горы коробок.

Дарья опустилась на стул.

— Я больше не могу.

— Нужно хотя бы кухню разобрать, — сказал Роман.

— Завтра.

— А сегодня из чего будем есть?

— Закажем пиццу.

— В первый день в доме?

— А что должно происходить в первый день?

— Нормальный семейный ужин.

Дарья посмотрела на коробки.

— Ты серьёзно предлагаешь мне сейчас искать кастрюли и готовить?

— Я помогу.

— Тогда готовь сам, а я буду помогать.

Роман помолчал.

— Хорошо.

Он снял часы, закатал рукава и начал открывать коробки. Через полчаса на кухне нашлись сковорода, тарелки и продукты. Роман приготовил мясо, Дарья нарезала овощи.

Кирилл прибежал на запах.

— Можно взять сок?

— Сначала еда, — сказал Роман.

— Я хочу пить.

— На столе вода.

— Я не люблю эту воду.

— Вода не должна нравиться. Она утоляет жажду.

Кирилл открыл холодильник.

— Закрой, — произнёс Роман.

Мальчик продолжал искать сок.

— Кирилл, я сказал закрыть холодильник.

Дарья поставила перед сыном стакан.

— Выпей немного воды. Сок будет за ужином.

Кирилл захлопнул дверцу и сел за стол.

Роман посмотрел на Дарью.

— Если я уже что-то сказал, не нужно повторять другими словами.

— Он хотел пить.

— Я дал ему ответ.

— А я предложила компромисс.

— Он должен понимать с первого раза.

— Ему шесть.

— Поэтому сейчас самое время научиться.

Дарья почувствовала усталость.

— Давай не сегодня.

— Что не сегодня?

— Не будем обсуждать воспитание. Мы все устали.

— Я не обсуждаю. Объясняю на будущее.

Он повернулся к плите.

Дарья посмотрела на Кирилла. Тот сидел, обхватив стакан обеими руками.

Первый ужин в новом доме прошёл почти молча.

Но позже Роман достал спрятанную бутылку детского шампанского, включил музыку и предложил отметить переезд. Кирилл повеселел. Они пили сладкую газировку из бокалов, фотографировались и выбирали название дому.

— Дом автоспасателя, — предложил Кирилл.

— Почему? — спросил Роман.

— Потому что у меня есть машина, которая спасает другие машины.

— Название должно подходить всей семье.

— Тогда «Большой дом».

— Очень оригинально, — улыбнулась Дарья.

— А ты как хочешь? — спросил Роман.

Она оглядела кухню.

— Просто дом.

— Наш дом, — поправил он.

Дарья подняла бокал.

— За наш дом.

Роман обнял её за плечи.

— Теперь всё будет по-другому.

Она поверила.

Первые недели действительно были счастливыми.

Дарья просыпалась раньше остальных и спускалась на

кухню. За окном постепенно светлел сад. В квартире она никогда не могла выпить кофе в полной тишине: соседи хлопали дверями, сверху бегали дети, за стеной работал телевизор.

Здесь было спокойно.

По вечерам они ужинали вместе. Роман спрашивал Кирилла о занятиях, помогал разбирать вещи, строил планы ремонта. В выходные они выбирали мебель.

Дарья купила небольшую доску для наклеек и повесила в комнате сына.

Роман ничего не сказал, но несколько раз проходил мимо, рассматривая её.

— Не нравится? — спросила Дарья.

— Мне всё равно.

— Не похоже.

— Ты решила — ты сделала.

— Мы договаривались, что решения принимаем вместе.

— Именно. Но доску ты купила одна.

— Для наклеек Кирилла.

— Значит, это не решение?

— Роман, она стоит несколько сотен рублей и снимается со стены.

— Я говорю не о цене.

— А о чём?

— О принципе.

Это слово вскоре стало появляться всё чаще.

Дело было не в чашке — в принципе.

Не в опоздании на десять минут — в уважении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.